

294

кр. 1940 г.

17

ВЫСШИЙ СОВЕТ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
Отдел Редакционно-Издательский

57685 к гр. чз.

Проф. Б. С. Мартынов

Проверка 1935 г.

116
468

Государственные тресты

СПб

Ленинградский Институт
Государственного строительства

1-ый Ленинградский
Юридический институт
БИБЛИОТЕКА

МОСКВА—1924.

СП67У

Государственные тресты.

I.

Промышленная жизнь Союза С. С. Р. в настоящее время складывается из двух основных элементов. Таковыми (оставляя в стороне *кустарное ремесло*) являются государственные и частные предприятия. Из них первенствующее значение принадлежит сейчас предприятиям государственным.

Современная частная промышленность не достигла сколько-нибудь значительного развития и по своим размерам не составляет теперь силы, конкурирующей с государственной промышленностью. Конкретные условия современной хозяйственной деятельности не благоприятствуют успешному развитию частного предпринимательства в собственных предприятиях.

Денационализация промышленности, согласно декрету 10-го декабря 1921 г., распространилась лишь на более мелкие предприятия, как еще не освещенные государством по признакам, установленным в упомянутом декрете. Она не коснулась предприятий более крупного размера, в отношении которых государство, так или иначе, проявило свою хозяйскую власть. Поэтому возврат б. собственникам их промышленных предприятий на основании декрета 10 декабря 1921 г. не мог создать сколько-нибудь значительной массы частно-промышленных предприятий.

С другой стороны, закон, допуская учреждение частных промышленных предприятий, в то же самое время ограничивает их размеры определенным пределом (ст. 54 гражд. код. Р. С. Ф. С. Р.). Такая легальная предельность размера частных предприятий не может не задерживать их развития. Положение их осложняется, кроме того, отсутствием в законе точного определения размера дозволенных предприятий. Количество рабочих, допускаемое в них, должно быть, согласно упомянутой ст. 54, определено особым законом. Такой закон, однако, до сих пор издан не был. Между тем отсутствие его вызывает разногласия о дозволенном размере предприятий и создает состояние неопределенности и неуверенности, неблагоприятное для развития частной промышленности.

При таких условиях частная промышленность не является серьезной конкурирующей силой для государственных предприятий.

Ошибочно, однако, было бы вообще думать, что значение, так называемой, новой экономической политики применительно к промышленности заключается в возврате к частному хозяйству и притом специально в форме организации собственных предприятий. Правда, из сопоставления ст.ст. 4 и 5 гражд. кодекса можно извлечь утверждение, что, в целях развития производительных сил страны, всем гражданам предоставляется устраивать промышленные предприятия. Однако, выражение это нельзя понимать в буквальном и непосредственном его смысле.

Если бы законодатель действительно думал, что национальное благосостояние зависит от развития частного хозяйства, то он, будучи последователен, казалось бы, должен был к допущению личной инициативы присоединить отказ от государственного хозяйства.

Между тем мы наблюдаем как раз обратное: развитие и поощрение государственного капитала (в формах частного-хозяйственных предприятий), при которых подлинные частные предприниматели и их хозяйства играют роль второстепенную и вспомогательную. В действительности возможность организации последних составляет не столько цель новой экономической политики, сколько объективный результат перестройки государственного хозяйства на началах коммерческого расчета и самостоятельности отдельных государственных предприятий.

Порядок централизованного управления промышленностью обнаружил невозможность для центральных органов справиться со всею массою национализированной промышленности путем непосредственного управления ею. Часть национализированной промышленности оказалась совершенно не освоенною органами государственной власти. Эти предприятия, лишь обременявшие государственный бюджет непроизводительными расходами по своему содержанию и охране, были возвращены бывшим владельцам в порядке упомянутого уже декрета 10 декабря 1921 г.

Из оставшейся массы национализированных имуществ государство выделило часть предприятий, непригодных или ненужных для непосредственной эксплуатации через свои хозяйственные органы, и предназначило их к сдаче в арендное пользование (возможность которого была открыта и частным предпринимателям).

Остальную и важнейшую часть государство преобразовало в объединение предприятий, работающих на основе хозяйственного расчета.

Особенность этой последней системы заключается в том, что к управлению государственной промышленностью применяются приемы и способы частного-хозяйственного делового оборота. Этот оборот складывается частью из деятельности хозяйев-собственников денационализированных или вновь откры-

тых предприятий, частью из деятельности хозяев-арендаторов государственных фабрик или заводов, или концессионеров государственных предприятий и, наконец, государственных предприятий, переведенных на коммерческий расчет.

Государственные предприятия, будучи обращены в особые хозяйственные единицы, действуют на общих основаниях гражданского права. С внешней стороны, т. е. в отношении других участников частного оборота, они приобретают имущественные права, обременяют себя обязательствами и вообще совершают все сделки и договоры по общим началам гражданского кодекса. Даже в отношении друг друга они, будучи органами одной и той же государственной власти, все же не отступают от договорных начал. Один трест в отношении другого является таким же контрагентом, как и любой частный предприниматель (не считая права на преимущественное заключение договора при прочих равных условиях). В этом отношении гражданский кодекс есть кодекс, определяющий имущественные отношения не только граждан Р. С. Ф. С. Р., но и государственных предприятий Республики.

Начала частно-хозяйственной инициативы, стремление к сохранению и увеличению капитала, строгий хозяйственный расчет, конкуренция на рынке и т. д. лежат одинаково в основе деятельности как владельца частного предприятия, так и государственного треста. Если положение его в обороте отличается некоторыми особенностями (напр., в виде запрета посредничества в договорах между государственными предприятиями), то эти последние не таковы, чтобы нарушить общее правило о преимущественном значении собственного интереса в организации и работе каждого государственного предприятия в отдельности.

Приемы и навыки коммерческого расчета государственные предприятия заимствуют из обычаев частного оборота, господствовавшего до октябрьской революции и возрождаемого при новой экономической политике представителями денационализированной промышленности. В борьбе с ними, в атмосфере частного хозяйственного оборота государственные тресты должны приобрести опыт и навыки здорового коммерческого предприятия.

Заимствуя от частного хозяйства его технику и приемы работы, государственные предприятия *должны*, однако, сохранять свою публично-правовую природу и оставаться чуждыми отрицательных сторон частного предпринимательства (недобросовестной конкуренции, стремления к неправомерной выгоде, соглашений в ущерб потребителям и т. п.).

Частный оборот и частная промышленность являются, так сказать, школой, в которой государственный капитал должен получить необходимую для успешности своей работы выучку.

В этом, по нашему представлению, состоит смысл и оправдание существования частных предприятий с точки зрения хозяйственной системы новой экономической политики.

Итак, в обороте государственные предприятия выступают как субъекты частных имущественных прав на общих основаниях гражданского кодекса. Но что касается внутренней конструкции государственных предприятий, то таковая имеет совершенно особенный характер и не представляет собою заимствований из частного хозяйства. Здесь нет места для действия гражданского кодекса и вообще для норм частного права. Внутренняя структура государственного предприятия относится к области публичного хозяйственного права и представляет наиболее сложную и важную сторону в их организации.

Публично-правовые особенности внутренней организации государственных предприятий не могут не оказывать влияния на положение и значение их в частном обороте. Теоретически легко различимые внутренние и внешние отношения в практическом их осуществлении сплетаются в одно неразрывное целое, в котором отдельные части взаимно обуславливают и влияют друг на друга.

Тем не менее, для правильного понимания строения трестов необходимо проследить их внутреннюю структуру отдельно от положения их в обороте, обратив особенное внимание на первое, так как им в значительной степени обуславливается и роль государственных предприятий как участников оборота.

II.

Действующее законодательство присваивает государственным предприятиям, работающим на началах коммерческого расчета, наименование трестов. Этот термин способен создать представление о их сходстве (если не сродстве) с трестами иностранного права.

Трест, как известно, есть слово английского корня, применяемое для обозначения особого рода объединений частных предпринимателей.

Объединения, называемые трестами, не отлились в точно установленную законом форму. Самая потребность отдельных предпринимателей, лиц физических или юридических (напр. акционерных компаний) соединять свои силы и средства для достижения поставленной сообща цели может проистекать из самых разнообразных оснований и иметь различное содержание. При таких обстоятельствах самые способы и формы объединения должны оказываться весьма разнообразными.

Поэтому под название трест в иностранном праве подводят явления совершенно неоднородного юридического характера. Сообразно тому, в какой степени прочно и близко обье-

диняются те или иные функции отдельных предприятий, соединение их в общую организацию может быть более или менее тесным.

Общая черта, характеризующая тресты по их содержанию, заключается в объединении производственных функций в той или иной степени. Этим производственным характером тресты отличаются от синдикатов, объединяющих в различной форме торговую деятельность предпринимателей. Степень связанности производства отдельных предприятий, как только что указывалось, может быть неодинакова, в зависимости от чего и организация трестов обнаруживает различные формы подчинения отдельных частей целому.

Благодаря неустойчивости внутреннего содержания взаимных отношений между трестированными предприятиями правовая структура треста не получила законченной формы и, насколько известно, до сих пор осталась вне точной законодательной регламентации.

Для этого последнего обстоятельства, впрочем, имеются еще и другие основания. Соглашения отдельных предпринимателей обычно направлены на устранение взаимной конкуренции и в результате своем оказываются осуществленными во вред широких слоев потребителей. Это обстоятельство заставляет иностранного законодателя, если не выступать прямо против трестовских соглашений, то, по крайней мере, уклоняться от формального их легализирования.

Приведенная общая характеристика трестов иностранного права показывает, насколько содержание этого термина у нас разнится от иностранных образцов.

Прежде всего следует отметить, что тресты заграничные представляют собою соглашения частных предпринимателей. Между тем тресты советского права дают форму промышленной организации, допустимую в применении только к *государственным предприятиям*. По духу и смыслу современного права и, в частности, в виду запрета крупных частных предприятий иначе, как в концессионном порядке, устройство трестов частных предпринимателей по заграничному типу является совершенно недопустимым.

Вместе с тем наши тресты, как форма организации исключительно только государственных предприятий, по самой идее современной экономической системы, не могут квалифицироваться в качестве организаций, направленных на борьбу с интересом потребителей получить наилучший продукт по самой дешевой цене.

Система нашего государственного капитализма не предполагает противоположения производителя и потребителя, поскольку дело идет о трудовых элементах населения. Органи-

зация государственного треста должна преследовать ту же самую цель, к которой стремится указанная категория населения, представляющая подавляющую его массу. Поэтому к данному виду треста, т. е. к государственному тресту закон относится не только не отрицательно, но, наоборот, всеми способами стремится к его поощрению.

Есть еще другое отличие советского треста от иностранного, относящееся не столько к существу, сколько к форме этой организации. Иностранный трест в первоначальной своей формации представляет соглашение *нескольких* предпринимателей, *доверяющих* в той или другой форме ведение дела созданному им общему управлению (отсюда и термин: „trust“, т. е. „доверие“). Между тем советский трест далеко не всегда представляет собою об'единение нескольких предприятий. Декрет о трестах одинаково распространяется как на об'единение нескольких производственных единиц в одно предприятие, так и на предприятие, состоящее из одной производственной единицы. Таким образом, трест нашего права вовсе не есть непременно об'единение предприятий.

Но если даже принять за нормальный тот случай, когда советский трест складывается из нескольких фабрик, заводов или промыслов, все же здесь не будет об'единения нескольких самостоятельных предпринимателей. Предприниматель, трестирующий заводы или фабрики, в данном случае всегда один и тот же, а именно: государство, как хозяйствующая публично-правовая организация. Здесь, следовательно, дело идет не о соглашении нескольких самостоятельных субъектов имущественных прав, но о хозяйском распоряжении одного лица, комбинирующего определенным образом принадлежащие ему предприятия.

Правовая природа треста иностранного права, особенно на первых ступенях его развития, заключается в доверенном управлении об'единенными предприятиями нескольких частных собственников. В советском тресте есть тоже доверенное управление предприятием, простым или об'единенным, но только в другом смысле. Здесь государство — хозяин, *доверяет* созданной им организации *самостоятельное управление* государственным имуществом. С этой стороны термин «трест» в такой же степени уместен в применении к нашим трестам, как и к об'единениям частных промышленников за границей.

III.

Изложенные в предшествующем соображения указывают на некоторые существенные черты советского треста. Они сводятся к тому, что трест есть государственное имущество, выделенное в отдельную хозяйственную единицу и доверенное особо созданной для того организации в целях самостоятель-

ного управления под общим руководством и контролем полномочных органов государственной власти.

Анализируя данную общую формулу, мы можем различить в ней следующие составные части.

1. Трест есть всегда государственное предприятие. Раньше уже отмечалось, что с природою треста, как он выясняется на почве советского права, совершенно несовместимо представление о создании трестов частных предпринимателей.

Даже в том случае, когда дело идет о смешанном предприятии, т. е. предприятии, образующемся частью из государственного, а частью из частного капитала, неприменима форма треста. Закон прямо говорит, что когда частные капиталисты привлекаются к участию в тресте, то это может произойти не иначе, как путем реорганизации его в смешанное акционерное общество (ст. 26-я декрета о трестах 10 апреля 1923 г.).

Лишь для кооперативных организаций, которым закон стремится создать вообще более благоприятное положение (см., наприм., ст. 57 гражд. код.), сделано исключение. Согласно ст. 25 декрета 10 апреля 1923 г. возможно привлечение кооперации к участию в уставном капитале треста в порядке изменения устава треста. Следует, однако, заметить, что такое участие кооперации нисколько не отражается на внутренней структуре треста и, в частности, на компетенции органов, имеющих решающий голос в его делах. По крайней мере закон не указывает никаких функций кооперативной организации в деле создания и управления трестом.

Внеся свою часть в уставный капитал, она не получает за это никаких реальных прав участия в предприятии. За кооперативной организацией остается лишь право на дивиденд, буде таковой окажется, и на участие в ликвидации имущества по прекращении треста. Прибегая к аналогиям из гражданского права, мы могли бы сказать, что кооперативная организация, принявшая участие в тресте, не может быть приравнена по своему положению ни к акционеру, ни даже к товарищу-вкладчику. Надо думать, что при таких условиях для кооперации мало интересным покажется участие своим капиталом в государственных трестах. На деле последние останутся *государственными* предприятиями во всей своей полноте и последовательности.

2. Из общей массы государственных национализированных имуществ в состав треста выделяются организованные производственные единицы. Закон перечисляет: фабрики, заводы, промысла, отделения, магазины и т. п. (ст. 4 декрета 10 апреля 1923 г.). Каждая такая производственная единица представляет собою совокупность имущественных средств (строения, машины и проч. оборудование, топливо, сырье и т. д.) и, в нормальных усло-

виях, личных сил (рабочий и служебный персонал), объединенных в одно целое для достижения поставленной производственной цели. В состав имущества такой производственной единицы могут входить и не материальные имущественные блага, так называемые исключительные права на изобретения, фабричные рисунки, модели, товарные знаки и т. д. Все эти имущественные и личные, материальные и нематериальные хозяйственные блага в своей совокупности составляют производственную единицу, обособленную имущественную массу, организованную для достижения определенно поставленной цели.

Такая производственная единица является объектом права, носителем которого, субъектом в данном случае будет государство, как субъект имущественных прав. Осуществлять эти права государство может различным образом. В частности оно может эксплуатировать его, как обособленное имущество, или же объединить его для совместного управления с другими предприятиями. Каким образом этот последний прием должен отражаться на положении отдельных из объединенных производственных единиц, мы увидим впоследствии при изучении внутренней структуры треста (см. гл. VI Трест и заведение).

3. Трест является не только отдельной производственной единицей в составе государственных имуществ, но и единицей, эксплуатируемой особым образом. Для треста характерен отказ от прежнего бюджетного порядка управления государственным предприятием. До принятия советским законодательством идеи хозяйственного расчета, в управлении промышленными предприятиями отсутствовало признание необходимости коммерческой прибыльности дела, соответствия между приходом и расходом. Данная производственная деятельность осуществлялась не потому, что она была хозяйственно выгодной, доходной, а ввиду признаваемой целесообразности проведения ее в жизнь. Другими словами, убыточность предприятия не была сама по себе обстоятельством, опирающим его существование.

При всей необходимости с точки зрения государственных интересов поддерживать иногда производство ради его самого, а не ради получаемой прибыли, применение этого правила сплошь по всем национализированным предприятиям создавало чрезмерную и непосильную для государственного бюджета обременительность производства национализированной промышленности.

С переходом к новой экономической политике произошло распределение государственных промышленных предприятий по признаку оставления на государственном бюджете или перевода на хозяйственный расчет. Предприятия первого рода по-прежнему существуют за счет ассигновок по утвержденной для них смете. Задача управляющего органа в таком случае заклю-

чается лишь в том, чтобы не превысить сметных ассигнований или достаточным образом обосновать необходимость отступления от них.

В ином положении находятся государственные предприятия, переведенные на хозяйственный расчет. Они получают определенные оборотные средства, в пределах которых они должны осуществлять свои производственные задания. Их хозяйственная деятельность должна основываться не на наличности подходящей ассигновки, а на коммерческой выгодности затеянного дела. Затраченный в производстве капитал должен обернуться к определенному сроку и открыть возможность производства новой операции. Если план не удастся и затраченный капитал не возвратится с необходимою прибылью, то предприятие окажется дефицитным. Происшедшую убыль оборотного капитала необходимо покрыть тем или другим способом: прибылью от других операций, кредитом за счет будущих прибылей и т. п. В противном случае обнаруживается коммерческая неуспешность предприятия, влекущая уменьшение его капитала, и в дальнейшем могут возникнуть вопросы о целесообразности его существования.

Таким образом предприятия, переведенные на хозяйственный расчет, в отличие от работающих в бюджетном порядке, существуют за собственный страх и риск, руководствуясь в своей деятельности соображениями о коммерческой выгодности для себя производимых операций.

Благодаря этому государство получает возможность ориентироваться в общем производственном плане. Выделив предприятия, долженствующие иметь для него значение как возможный источник дохода, государство переводит их на хозяйственный расчет. Так как государственные предприятия фигурируют своим сальдо в государственном бюджете, то этим создается возможность отчетливо установить их действительную коммерческую выгодность. Такой прием практиковался, между прочим, в дореволюционное время на некоторых казенных предприятиях. Стремясь упорядочить их хозяйственную работу и побороть дефицитность, казна переводила отдельные предприятия или определенные группы их (наприм., судостроительные заводы) на хозяйственный расчет и создавала организацию, несколько напоминающую современные тресты. Такой прием действительно сокращал дефицитность, но не избавлял, конечно, казну от обязанности погашать задолженности.

4. Коммерческий расчет сам по себе еще не гарантирует государство от убыточности предприятия. Благодаря ему государство легче может убедиться в том, что данное предприятие является дефицитным. Но это не ограждает его от последствий убыточ-

ности и ответственности по долгам предприятия в качестве хозяина последнего.

В случае превышения актива пассивом, государству пришлось бы и в этом случае нести дополнительную ответственность перед кредиторами сверх оборотного капитала, отпущенного предприятию. При массовом характере государственных предприятий и значительности вложенных в них средств неограниченная ответственность государства за действующие на коммерческом расчете предприятия могла бы оказаться весьма обременительной.

Оперативная свобода правлений трестов, о которой подробнее речь будет идти дальше, и связанные с нею опасности для государственной казны вызывают установление ответственности, ограниченной пределами оборотного имущества, предоставленного самостоятельно действующим предприятиям.

Организация всякого предприятия влечет за собою выделение его из прочего имущества хозяина в некоторую обособленную массу. Третьи лица, заключая договоры и сделки, имеют ввиду предприятие и его капиталы, против него в первую голову обращают они свои претензии. Сам хозяин, при правильной постановке отчетности предприятия и его торговых книг, начинает смотреть на него как на имущество отдельное от своего личного имущества и даже входить с ним в договорные отношения, как если бы это был особый субъект имущественных прав.

Однако, такого рода обособленность в прежнем праве никогда не шла так далеко, чтобы предприятие отрывалось от своего хозяина и начинало жить своею отдельною хозяйственно—правовую жизнью. В конечном результате предприятие все же считалось таким же имуществом хозяина, как и все прочее его достояние. Отсюда, в частности, следовал вывод, что обращение взыскания прямо против предприятия не устраняло возможности обращения такового же и против всего остального имущества предпринимателя.

Впрочем прежнее право знало некоторые способы отделения предприятий от личного имущества с сохранением за собою власти над предприятием. Сюда в особенности относится акционирование предприятия, при помощи которого предприниматель создавал совершенно самостоятельного субъекта имущественных прав—акционерную компанию, оставляя за собою лишь роль главного держателя акций вновь образованного предприятия.

Современное советское законодательство пошло еще далее по этому пути. На ряду с акционированием своих предприятий, о котором в данном случае речь не идет, государство выделяет данную имущественную массу, организованную в предприятие и ограничивает свою ответственность по долгам

предприятия размерами его оборотного капитала. Таким образом фактическое обособление имущества, организованного в предприятие, от прочего имущества государства-хозяина получает здесь окончательное выражение.

5. Объявить, что ответственность по обязательствам предприятия ограничивается размерами его оборотного капитала, не значит еще конкретно разрешать задачу установления ограниченной ответственности. Имущественные права и обязанности должны иметь своего субъекта, необходимо лицо, которое осуществляет права и к которому могут быть предъявлены требования об исполнении обязательства.

Поскольку государство организует определенную имущественную массу в предприятие, самостоятельно оборачивающееся в пределах предоставленного ему капитала, необходимо наделение его качеством особой хозяйственной единицы, от своего имени участвующей в промышленном и торговом обороте страны. Без такого носителя имущественных прав и обязанностей, связанных с предприятием, оно оказалось бы лишенным центра, около которого сосредоточивается его жизнь и деятельность. А вместе с тем на государство падала бы все же имущественная ответственность за действие такого не вполне сформировавшегося предприятия.

Необходимый центр и носитель имущественных прав и обязанностей образуется посредством присвоения предприятию прав юридического лица (ст. 19 гражд. кодекса).

Юридическим лицом в данном случае не является объединение лиц физических, как это имеет, например, место в торговых товариществах, промысловых артелях и т. п. Здесь нет лица союза, корпорации, на котором основывается существование и деятельность юридического лица. Хотя и в государственных предприятиях, переведенных на хозяйственный расчет, имеет существенное значение личный состав, в нем работающий, однако, он является лишь одним из элементов в сложном составе предприятия. Как ни существенно важен этот элемент, все же не он является основным и определяющим природу данной имущественной организации.

Точно также нельзя в данном случае считать за юридическое лицо „организацию“, которая по смыслу ст. 13 гражд. кодекса тоже может быть наделена особою правоспособностью. При всей неясности понятия „организации“, более точное определение каковой отсутствует в законе, все же несомненным является то, что она представляет собою тоже объединение лиц, союз, наделенный особою правоспособностью. Между тем госпредприятия в нынешней их структуре не могут быть квалифицированы как союзы лиц, корпорации.

Более подходящую формулу дает нам понятие „учреждения“ третий вид юридического лица, согласно ст. 13 гражд. кодекса. Понятие учреждения как юридического лица представляется в юриспруденции спорным; для него до сих пор еще не найдено общепризнанной формулы. Одни, в той или иной формулировке, проводят ту мысль, что учреждение есть само имущество, наделенное самостоятельной правоспособностью (напр., Windscheid, Brinz).

Другие, отмечая, что имущество само по себе может быть только объектом, а не субъектом права, подчеркивают необходимость личной организации, заведывающей этим имуществом и предлагают различать корпорации и учреждения по признаку характера деятельности этой организации (Гримм). Третьи называют учреждением всякое юридическое лицо, не являющееся объединением физических лиц и т. д.

К сожалению гражданский кодекс не содержит никаких указаний на то, что он желает разуместь под наименованием учреждения. Но во всяком случае ясно, что под учреждением он не подразумевает союза физических лиц. Это явствует уже из противоположения в ст. 13 гражд. кодекса учреждений и объединений физических лиц. Если же это так, то учреждением может быть лишь объединение имущественных благ. Но сами по себе они, конечно, не эквивалентны понятию учреждения; чтобы стать таковым, они должны быть учреждены, т.-е. получить определенную организацию и функции. Но это может быть достигнуто лишь посредством создания личной организации, составляющей движущую силу учреждения, направляющей его к достижению поставленной цели.

Едва ли при этом может иметь существенное значение то обстоятельство, действует ли эта организация в собственном или чужом интересе. Инвалидный дом, созданный государством на началах самодеятельности призреваемых в нем нетрудоспособных, не перестает от этого быть „учреждением“. Устраняя, поэтому, признак характера деятельности личной организации, мы можем считать учреждением имущество, организованное для достижения определенно поставленной ему цели.

К такому пониманию учреждения подойдет и государственный трест, созданный в виде самостоятельно действующей хозяйственной единицы. Трест представляет собою определенную имущественную массу (уставный капитал), организованную в промышленное предприятие, на основании данного ему устава; он возглавляется назначенными государственною властью органами управления, которые руководят деятельностью предприятия и, в качестве его законных представителей, приобретают имущественные права и обременяют имущественными обязанностями.

6. Словами, что трест обладает самостоятельной имущественною правоспособностью в качестве юридического лица и через посредство своих органов участвует в торгово-промышленном обороте страны (ст. 19 гражд. кодекса), еще не определяется вполне хозяйственное и правовое положение треста.

Хотя юридическое лицо обозначается обыкновенно, как особый субъект имущественных прав, однако (по выражению Иеринга) оно само не имеет ни цели, ни интересов. За спиною его стоят всегда действительные выгодополучатели (дестинаторы) и хозяева предприятия. Юридическое лицо, в сущности говоря, есть лишь особая форма заведывания и управления имуществом со стороны его настоящих хозяев. Вместо обычного приема прямого владения, пользования, распоряжения и других актов хозяйской власти, они осуществляют то же самое через посредство организованного ими юридического лица.

Наш закон говорит, что юридическое лицо, как таковое, может приобретать права, вступать в обязательства, искать и отвечать на суде (ст. 13 гражд. кодекса). Декрет о трестах от 10 апреля гласит, что трест владеет, пользуется и распоряжается предоставленным ему государством имуществом, а равно производит свои операции на общем основании гражданских законов за установленными изъятиями (ст. 6-я).

Однако, из этого для треста не вытекает таких же последствий, как из хозяйских актов предпринимателя—физического лица. Приведенная выше формулировка закона характеризует лишь один момент в процессе жизни и деятельности государственного предприятия. Ему предшествуют и за ним следуют моменты совсем иного характера, в которых обнаруживается лицо действительного хозяина.

Выше треста и его правления стоит целый ряд государственных органов, распоряжающихся трестом, его имуществом, направлением и содержанием его деятельности, получающих его доход, карающих за неумелое или преступное ведение дела со стороны правления. От них идет источник существования треста, к ним поступают результаты его деятельности и отчетность.

Указанные органы не являются юридическими лицами в смысле субъектов особых имущественных прав. Они сами не хозяева, а лишь представители настоящего хозяина: государства-капиталиста.

Система органов, заведывающих государственною промышленностью, разнится в зависимости от того, отнесено ли государственное предприятие общесоюзному (предприятия, находящиеся в заведывании ВСНХ СССР), отдельных республик Союза (в частности РСФСР) или местному (предприятия губернского или областного значения). Более подробный анализ их будет дан в особой главе, посвященной общегосударственным и местным трестам.

Здесь же достаточно отметить только то, что трест, представляя собою обособленное в самостоятельное предприятие государственное имущество, не оказывается в состоянии совершенной оторванности от государства-хозяина. Последний руководит и распоряжается предприятием через посредство целой системы своих хозяйственных органов (СТО, ЭКОСО ВСНХ, Промбюро, и т. д.).

7. Предшествующее показывает, что государственное промышленное предприятие находится в заведывании нескольких органов. Самому тресту, по словам закона, предоставлена самостоятельность в производстве операций на общем основании гражданских законов (ст. 1 декрета 10 апреля 1923 г.); он владеет, пользуется и распоряжается предоставленным ему по уставу имуществом. Органом самого треста является правление (или единоличный управляющий), которое ведет дела треста, совершает от его имени сделки и договоры и является представителем его на суде и вне суда (ст. 35 декрета 10 апреля 1923 г.).

Хотя закон говорит о том, что трест владеет, пользуется и распоряжается предоставленным ему имуществом, однако эти слова нельзя понимать в смысле ст. 58 гражд. кодекса. Статья эта предоставляет подобные полномочия собственнику имущества, но собственником в данном случае является не трест, а государство.

Распоряжение имуществом треста, согласно ст. 5 декрета 10 апреля, осуществляется СТО и ВСНХ, с соблюдением правил, установленных в том же декрете. Предоставление важнейшего из имущественных полномочий — права распоряжения — СТО и ВСНХ, с одной стороны, и тресту в лице его правления, с другой стороны, не составляет какой либо ошибки или недосмотра со стороны законодателя. Функции распоряжения весьма разнообразны и то, что предоставлено центральным государственным органам, не совпадает с полномочиями треста.

В общем можно сказать, что органы, заведывающие предприятиями, совершают акты или организационного характера или акты административно-хозяйственного управления. Первые из них слагаются или из актов распорядительного характера, решающего вопросы бытия или небытия треста; или же из актов общего урегулирования работы треста, не разрешающих, однако, каких либо отдельных конкретных вопросов текущей практики. Акты административно-хозяйственного управления объемлют собою повседневную работу треста в области производства и снабжения предприятия, а также сбыта его продукции.

В трестах государственного значения, нормируемых декретом 10 апреля, функции различных органов, заведывающих гос-

предприятием, распределены по следующей общей схеме. СТО (ныне ЭКОСО республики) подведомственны важнейшие организационные акты распорядительного характера. Сюда относятся: утверждение и изменение устава, определение уставного капитала и последующие его изменения, ликвидация треста и т. д. Наряду с этим в компетенцию СТО входят и важнейшие акты по урегулированию работы треста: определение порядка составления инвентаря и производства оценки капитала предприятия (долженствующего создать единообразные для всех государственных предприятий основы учета промышленного капитала), утверждение производственных планов *отдельных отраслей промышленности*, урегулирование отпускных цен там, где в этом встречается необходимость и т. п.

Несколько иным образом определяется компетенция ВСНХ. Последнему точно также предоставляются функции организационного характера. Прежде всего на ВСНХ возлагается инициатива, или предварительная разработка, вопросов, окончательное слово в которых предоставлено, согласно отмеченному выше, СТО. Кроме того, отдельные организационные вопросы предоставлены самостоятельному разрешению ВСНХ. Таковы: отчуждение и приобретение отдельных частей основного капитала, разрешение расходования резервного капитала, издание инструкций правлению и главному бухгалтеру и т. д.

Но затем, в отличие от компетенции СТО, ведению ВСНХ присвоены некоторые функции по управлению предприятием: назначение и смена правления и ревизионной комиссий, определение причитающегося им вознаграждения, разрешение разногласий в среде правления, производство ревизий и т. д. В этом случае ВСНХ не ограничивается общей регулирующей деятельностью, но принимает конкретные решения по отдельным вопросам, возникающим в текущей деятельности треста. Этим самым он обращается в орган, управляющий трестом.

Так как при этом ВСНХ имеет свои полномочные органы на местах, Областные Промышленные Бюро (рассматриваемые не как отделы местных Исполкомов, но как представители центрального органа), то часть функций ВСНХ перелagается на Промбюро, как на власть, стоящую ближе к предприятию в отношении предприятий, так называемого, областного значения. Так, Промбюро представляется назначение и смещение правления таких трестов, утверждение проекта годичной производственной программы отдельных предприятий (в рамках программы, утвержденной СТО—см. выше), разрешение разногласий между членами Правления и т. д.

Однако в этом случае распределительные действия остаются преимущественно в ведении ВСНХ. Из актов по урегулированию не делегируются Промбюро такие, которыми со-

здаются общие формы работы госпредприятий. Таковы, наприм., инструкции правлениям и главным бухгалтерам, издаваемые самим ВСНХ. В наибольшей степени перелагаются на Промбюро акты управления (назначение и смещение правления, производство ревизий и т. п.).

Делегирование со стороны ВСНХ отдельных функций Промбюро не регулируется самим законом: оно проводится в жизнь самим ВСНХ сообразно потребностям практической работы. Общие формы делегирования получают выражение в типовом уставе, вырабатываемом ВСНХ.

Таким образом, по мере приближения хозяйственных органов к предприятию меняется состав актов, входящих в их компетенцию, правление, как нисший орган в описанной системе, которому доверено непосредственное управление предприятием, является уполномоченным на текущую оперативную работу. Правление, по словам декрета, руководит всеми операциями треста, управляет его делами и имуществом, заключает сделки, входящие в круг операций треста, является представителем его на суде и вне суда (ст. 31 декрета 10 апреля 1923 г.).

В такой постепенной градации правомочий от высших органов к нисшим находит объяснение кажущееся противоречие постановлений закона, который в одном месте говорит, что право распоряжения имуществом треста осуществляется СТО и ВСНХ, а в другом месте, что трест владеет, пользуется и распоряжается предоставленным ему по уставу имуществом (ст.ст. 5 и 6 декрета 10 апреля). Содержание этих актов распоряжения совершенно неоднородно. Акты распоряжения высших органов определяют самую судьбу предприятия, имеют конститутивное значение. Акты же правления треста имеют оперативное значение и в нормальных условиях не идут дальше отчуждения продукции предприятия.

Предшествующее вместе с тем показывает, что заведение делами треста вовсе не сосредоточивается в компетенции одного лишь Правления. Наоборот, участие в этом, с той или другой стороны, принимает целая система органов, начиная с высшего хозяйственного органа в Республике. Поэтому нельзя представлять себе трест и его правление, как замкнутую и обособленную имущественную организацию, связанную с государством одною лишь отчетностью в приходах и расходах. Наоборот, в своей жизни и деятельности трест самым прямым и непосредственным образом связан с системою государственных хозяйственных органов, крайним ответвлением которых является правление треста.

Такой должностной характер правления особенно подчеркивается тем, что делегирование функций ВСНХ возможно не только по отношению к Промбюро, но также и по отно-

шению правления треста. Распоряжение основным капиталом треста, как уже указывалось, входит в компетенцию ВСНХ (ст. 28 п. а декрета 10 апреля). Однако, согласно примечанию к п. а приведенной статьи, ВСНХ может в отдельных случаях, в порядке издания соответствующей инструкции, передавать те или другие принадлежащие ему по данному пункту права правлению треста.

В такой возможности перенесения распорядительных функций ВСНХ не только на Промбюро, но и на правление треста проявляется не начало автономности и самостоятельности последнего, но тесная взаимная связанность различных органов, в ведении которых находится государственное предприятие.

8. Предшествующий анализ основных элементов в понятии треста показывает сложность его состава и своеобразие его хозяйственной и правовой природы. Аналогии с другими видами имущественных объединений и в частности с иностранными трестами или нашими акционерными компаниями едва ли уместны. Они ничего не дадут для уразумения существа отношений по тресту. Внешнее сходство в некоторых частях организации треста и акционерной компании (правление, ревизионная комиссия и т. п.), при совершенном различии их по существу, может увлечь лишь на путь ошибочных умозаключений.

Оставаясь на почве одного только положительного материала, мы можем окончательно определить трест советского права в следующей формуле. Трест есть учрежденное государственной властью обособленное имущество, организованное для производства промышленно-торговых операций с ответственностью, ограниченною пределами его оборотного имущества и доверенное для самостоятельного производства текущих операций особо назначенному ответственному управлению под руководством, контролем и при участии государственных хозяйственных органов.

IV.

Внутренняя структура треста определяется составом его имущества, организацией обслуживающего его личного персонала и взаимоотношением отдельных производственных единиц, если таковые входят в состав предприятия. В настоящей главе мы обратимся к изучению отдельных частей имущества треста.

1. Материальную основу существования треста составляет его уставный капитал, т. е. имущество, переданное ему для достижения указанных уставом целей. Уставный капитал треста имеет своим источником обращение для этих целей государственных денежных и материальных ценностей. Уже раньше отмечалось, что участие в тресте частного капитала совершенно исключается. Участие кооперативных организаций в трестах общегосударственного значения хотя и допускается, но в форме настолько мало развитой, что в данном своем состоянии едва ли

может иметь практическое значение (см. гл. III п. 1). На деле капитал треста есть всегда капитал государственный.

Самое ассигнование средств в капитал треста со стороны государственных органов имеет ведомственный характер. В виде общего правила тресты организуются ВСНХ из состава фонда национализированных предприятий, находящихся в его заведывании. Но делать это могут и другие Наркоматы, в заведывании которых находятся образованные ими тресты (ст. 4 декрета 10-го апреля 1923 г.).

Возможности организации треста совместно с несколькими государственными органами закон не предусматривает. Для этого приходится прибегать к образованию государственного акционерного общества. Трест таким образом является ведомственным предприятием и прежде всего предприятием ВСНХ. Правда, закон допускает возможность привлечения к участию в уставном капитале других государственных предприятий (ст. 25 декрета 10 апреля). Однако, все сказанное в своем месте о привлечении кооперативных организаций имеет применение и здесь. Практической формой привлечения к участию в тресте других государственных предприятий является акционирование треста.

2. Финансирование трестов может происходить в виде предоставления ему или денежных сумм или же материальных ценностей. Последние однако должны быть показаны в уставном капитале тоже в качестве денежных средств (ст. ст. 18 и 19 декрета 10 апреля).

Смысл этой последней оговорки долженствует иметь то значение, что материальные ценности включаются в уставный капитал на тех же основаниях, что и денежные. Другими словами, закон не предусматривает возможности предоставления материальных ценностей в качестве *уставного* капитала на ограниченном праве—только для пользования, с показанием в уставном капитале стоимости не самого имущества, но выгод, предоставляемых его использованием.

Возможность пользовательного имущества предусматривается законом в некоторых видах товарищества (ст. 279 гражд. код.). При наличии этого обладание имуществом со стороны товарищества осуществляется трояким образом: а) как имуществом, составляющим общую собственность товарищей, б) как имуществом, предоставленным товариществу в пользование, но остающимся собственностью товарища-пайщика и в) как имуществом, полученным от третьих лиц по договору. Аналогичный прием допускается также практикою уставов акционерных компаний с участием государственного капитала (см., напр., устав акц. об-ва Транспорт § 12 прим.).

Законодательство о трестах дает особую конструкцию имущественных отношений треста, оно устанавливает две кате-

гории имущества. С одной стороны, имущество, предоставленное тресту во владение, пользование и распоряжение в пределах декрета о трестах и правил гражданского кодекса и составляющее его уставный капитал, а с другой стороны—имущество, не составляющее уставного капитала, но все же предоставленное тресту государством и находящееся в его пользовании не на договорном начале. Таким внеуставным имуществом треста являются земли, воды, недра и леса. Они показываются особою внебалансовою статьей, в уставном же капитале не обозначается даже рента, ими приносимая.

Четкость имущественного состава треста, создаваемая правилом об обозначении уставного капитала в денежных единицах, в значительной степени затемняется категорией внеуставного имущества. Необходимая ясность могла бы быть достигнута путем применения понятия пользовательного имущества.

Правило декрета о том, что капитал треста показывается в золотых рублях, вовсе не означает, что уставный капитал должен образовываться непременно из денежных сумм. Наоборот, фактическую основу составляют именно материальные ценности—национализированные заводы и фабрики. Этот материальный фонд закрепляется за трестом, как составная часть его уставного капитала, выраженная в денежных единицах. Денежные же средства, непосредственно предоставляемые тресту, ассигнуются в бюджетном порядке по заявкам ВСНХ или иного учреждения, организующего трест, и точно также включаются в уставный капитал.

По существу нет различия между этими частями капитала по признаку их воплощения в материальной или денежной форме. Дело в этом случае идет лишь о формально различных порядках предоставления имущества, принадлежащих одному и тому же субъекту права—государству.

3. До сих пор, говоря об ассигновании средств тресту, мы имели в виду лишь образование первоначального капитала госпредприятия, с которым оно приступает к самостоятельному участию в деловом обороте страны. Но закон допускает возможность и дополнительных ассигнований на восстановление уставного капитала в случае обнаружившейся убыточности предприятия.

Дефицитность предприятия может повлечь за собою или ликвидацию треста (см. ниже гл. VII) или покрытие дефицита государством. Последнее предусматривается законом в случае особенного государственного значения работ треста и производится путем соответствующего представления ВСНХ в СТО (ст. 20 декрета 10 апреля).

В отдельных случаях, в особенности там, где нет оснований считать предприятие по самому характеру убыточным, та-

кое представление, казалось бы, должно было соединяться с предшествующим обследованием работы треста в порядке ст. 31 декрета 10-го апреля. Статья эта говорит о дисциплинарной, уголовной и гражданской ответственности правления треста за неправильное и нехозяйственное ведение дела. Особо внимательное ознакомление с постановкою работ предприятия должно показать: имеет ли в данном случае место убыточность здорового самого по себе предприятия вследствие несоответствия правления треста возложенным на него обязанностям, или же убыточность треста вытекает из самого характера предприятия.

При правильном подходе к делу решение в этих случаях должно быть неодинаковым. Поскольку предприятие, способное давать доход государству, потеряло часть своего капитала по вине правления, последнее подлежит смене и предусмотренной законом ответственности, а уставный капитал — соответствующему восполнению. Кроме того, согласно закону этот дополнительный расход государственных средств должен оправдываться особым значением работ треста (ст. 20 декрета 10-го апреля).

В том же случае, если убыточность предприятия происходит без вины правления — отпадает ответственность последнего. Но вместе с тем органическая дефицитность предприятия показывает, что оно непригодно для выполнения возложенной на всякий трест обязанности давать доход государству (ст. 1 декрета 10-го апреля). Отсюда вытекает, что данное предприятие подлежит ликвидации. Однако, если оно выполняет особо важные с точки зрения интересов государства функции, то, будучи ликвидировано в качестве треста, оно может быть сохранено как предприятие, существующее в бюджетном порядке.

Здесь руководящее значение имеют не соображения о коммерческой прибыльности предприятия, но соображения государственного интереса.

Возможны и другие случаи. Например, предприятие, способное давать доход, является убыточным вследствие дефектов его структуры (в состав треста включены неработающие заводы или работающие с неполной нагрузкой и т. п.). Выход из такого положения может быть найден в перестройке треста и дополнительном его финансировании.

Таким образом, фактическая обстановка работы треста может быть весьма различна, соответственно разнообразными могут быть и способы разрешения создавшегося положения с дефицитным предприятием. Действующий закон формулирован, однако, недостаточно широко и эластично. В ст. 20 декрета 10 апреля предусматриваются лишь тресты, работа которых имеет особое государственное значение, а выходом из положе-

ния считается покрытие дефицита за счет государственной казны. Надо думать, что практика, для которой не обязательно непременное оставление дефицитного предприятия на хозяйственном расчете, сама сумеет дать надлежащую квалификацию каждому отдельному случаю. Между прочим, декрет 17 июля 1923 г. о трестах местного значения (о которых в данном случае не идет речь) весьма удачно ставит дополнительным условием финансирования возможность безубыточной эксплуатации предприятия в дальнейшем.

4. От финансирования в смысле увеличения или пополнения уставного капитала следует отличать финансирование в виде оказания кредита. Здесь закон различает краткосрочные и долгосрочные ссуды. В отношении первых закон не устанавливает для трестов никаких ограничений. Согласно ст. 23 декрета 10-го апреля, краткосрочные заемные операции могут совершаться как с государственными, так и с негосударственными кредитными учреждениями на общих для частных предприятий основаниях.

Другое дело долгосрочные ссуды. Тресты суть государственные предприятия и только государственные, как мы видели раньше. Поэтому они должны быть по возможности ограждены от какой либо зависимости по отношению к частному капиталу. Согласно закону, долгосрочные ссуды предоставляются трестам правительством по представлению ВСНХ; обращение к другим кредитным учреждениям возможно лишь с разрешения ВСНХ (ст. 22 декрета 10-го апреля).

С еще большими затруднениями связано образование облигационного капитала. Для этого необходимо разрешение ВСНХ, согласованное с Наркомфином и утвержденное СТО; гарантированные облигации выпускаются лишь по постановлению СНК (ст. 24 декрета 10-го апреля).

Все эти правила, осложняющие обращение трестов к негосударственному кредиту, основанием своим имеют не столько стремление установить контроль над финансовым состоянием трестов, сколько ограждение его от возможного порабощения частному, туземному или иностранному капиталу, в силу образования задолженности последнему.

Последнюю из предусмотренных законом форм финансирования треста представляет собою привлечение сторонних капиталов к участию в деле. Представителями такого постороннего *для данного треста* капитала являются не только кооперативные организации и частные предприниматели, но и другие государственные же предприятия.

Закон разрешает привлечение государственных предприятий и кооперативных организаций, оговаривая лишь соответствующее изменение устава треста (ст. 25 декрета 10 апреля).

Однако оговорка эта, как отмечалось уже выше (см. гл. III п. 1), настолько неопределенна, оставляя в частности невыясненным права привлеченных на участие в делах треста, что в данной своей формулировке постановление закона едва ли имеет практическое значение.

Что же касается частного капитала, то закон прямо говорит о недопустимости участия его *в тресте*. В силу ст. 26 декрета 10 апреля трест в этом случае реорганизуется в форму смешанного общества. Это последнее правило лишний раз подчеркивает, насколько закон стремится оградить *государственный* характер треста.

5. Выражение имущества треста непременно в денежных единицах (золотых рублях, согласно декрету—ст. 15—а ныне, с переходом на червонное исчисление—в червонцах) не обезличивает его составных частей и не превращает его всего целиком в меновую ценность. Наоборот, под этим „червонным“ обликом содержится весьма важное и имеющее большое значение для оборота различие имущества, предоставленного тресту, на несколько составных частей.

Прежде всего и резче всего выделяется и получает особое выражение то внеоборотное имущество, о котором упоминалось выше в п. 2. Собственно говоря, его можно было бы подвести под категорию пользовательного капитала предприятия, т. е. квалифицировать, как *уставное* имущество, предоставленное тресту лишь на праве пользования и оцениваемое лишь в сумме ренты. Однако, закон намеренно устраняет это. Земля, ее недра, воды и леса, говорит он, не включаются в состав капитала треста и по балансу не проводятся (ст. 15, примечание декрета 10 апреля 1923 года).

Это внеоборотное имущество, таким образом, хотя и предоставляется тресту, но не считается его *уставным* капиталом. Равным образом не капитализируются и те выгоды, которые трест извлекает путем пользования этим имуществом.

Не составляя части уставного капитала, это внеоборотное имущество, тем не менее, все же показывается в уставе треста особою внебалансовою статьей с обозначением количества и стоимости (по довоенным ценам) в червонном исчислении, а равно и связанная с пользованием рента.

Получается, таким образом, что это внеоборотное имущество формально не входит в состав уставного капитала треста, но является в то же время его имуществом. Поэтому полная картина имущественного положения треста может быть дана лишь с показанием и этого имущества. Отсюда и обозначение его в уставе треста особою статьею.

Такое выделение внеоборотного имущества вовсе не означает того, что прочее имущество, входящее в состав капитала треста, является оборотным. Наоборот, как мы увидим дальше, и в уставном капитале главная часть изъята из оборота. Тем не менее, выделение в особую статью указанного внеоборотного имущества имеет, вероятно, свои особые основания в глазах законодателя. В ней показано такое имущество, которое никоим образом и ни при каких условиях не может по действующему закону поступать в оборот. Земля, недра, леса и воды не могут быть предметом никакой иной собственности, кроме государственной. Между тем, для внеоборотных имуществ, включенных в состав уставного капитала, возможны некоторые исключения, о которых речь будет идти ниже. Надо полагать, что такие соображения побудили законодателя создать сложную комбинацию уставного и внеуставного имущества треста.

6. В определении составных частей уставного капитала треста действующий закон дает существенные отступления от других предприятий и в частности акционерных компаний. Акционерный капитал распадается на две основные части: основной (или складочный), образуемый из паевых взносов акционеров, и запасный, образуемый путем отчисления доли чистой прибыли (ст. 322 и след. гражд. кодекса).

Декрет о трестах, помимо фонда амортизационного и фонда улучшения быта рабочих, различает в имуществе его две основные массы: уставный капитал, под которым подразумеваются денежные и материальные ценности, переданные государством тресту (ст. 15 декрета 10 апреля) и резервный капитал, образуемый посредством отчислений от чистой прибыли не менее 20% ежегодно (ст. 45 декрета 10 апреля). Уставный капитал в свою очередь распадается на две части: основной и оборотный капитал. Под основным закон подразумевает ту часть уставного капитала, которая не уничтожается целиком в одном акте производства. Таковы: фабричные и другие строения, машины, оборудование, инструменты, живой и мертвый инвентарь и т. п. Под оборотным закон подразумевает: деньги, ценные бумаги, продукцию предприятия и все то, что может быть только однажды использовано в процессе производства, как-то: топливо, сырье, разные материалы и т. п. (ст. 16 декр. 10 апр.).

Мы видим, таким образом, что в данном случае закон использует экономические понятия, учитываемые обыкновенно в процессе производства, но чуждые вообще вопросам хозяйственно-правовой структуры предприятия. Обычно для предприятия, как участника оборота, и для третьих лиц совершенно безразлично, как потребляется то или другое имущество: однажды в процессе производства или путем многократных использований. Это для них вопрос экономики, а не права.

В ином положении оказывается уставный капитал треста. Значительную часть его составляют имущества, национализированные и изъятые из гражданского оборота.

Включая их ныне в состав капитала самостоятельно действующего предприятия, государство желает гарантировать себя от того, что эти имущества не окажутся пущенными снова в частный оборот, денационализированными. Поэтому государство производит разделение уставного капитала треста на оборотный и внеоборотный, образуемый из состава национализированных имуществ, т.-е. из предприятий, перешедших в собственность государства и их оборудования (ст. 22 Гражд. Кодекса). Это имущество остается внеоборотным и в составе уставного капитала треста, тогда как остальное могло бы подчиняться общим началам гражданского кодекса.

Однако, закрепление в качестве внеоборотной части уставного капитала только того, что получено было трестами в составе национализированного предприятия, непрактично и даже на деле неосуществимо. Оборудование заводов и фабрик предприятия подлежит постоянному пополнению и изменению. Отличать в нем то, что относится к национализированному предприятию, включенному в трест, или впоследствии получено в качестве частей национализированного предприятия, являющихся в силу этого внеоборотными от предметов, приобретенных на рынке в качестве оборотного имущества, было бы чрезвычайно затруднительно. Это создавало бы необходимость чрезмерно сложной отчетности, которая все-таки не могла бы достигнуть цели и представить точные данные о том, что составляет оборотную и что внеоборотную часть имущества треста.

Взамен этого закон вводит понятие основного и оборотного капитала и по тому признаку, что главную массу первого составляет внеоборотное имущество, распространяет свойство внеоборотности на весь основной капитал. Благодаря такой мере создается большая отчетливость во взаимоотношениях этих двух частей уставного капитала треста.

7. В литературе, посвященной современному тресту, было высказано мнение, согласно которому не весь основной капитал треста составляет внеоборотное имущество, подчиняющееся ст. 22 и примечанию к ней гражданского кодекса. Другими словами, в основном капитале следует в свою очередь различать две части. Одна составляет внеоборотное имущество и может быть отчуждаема лишь в виде исключения, как устаревшие или негодные части имущества, и то лишь с разрешения ВСНХ. Другая же часть составляет имущество оборотное, отчуждение которого лишь затруднено, по сравнению с отчуждением частей оборотного капитала, необходимостью предварительного разрешения со стороны ВСНХ.

Это мнение, представляемое видным специалистом в вопросах управления советской промышленностью (см. Гинзбург-Наумов. Новое законодательство о трестах, стр. 29 и след.), обосновывается тем, что гражданский кодекс говорит о внеоборотности национализированных предприятий и их оборудования. Между тем декрет о трестах проводит различие между оборудованием, инструментами, инвентарем и проч.; в ст. 16 он перечисляет отдельно: фабричные строения, машины, оборудование, инструменты и т. д. Это и даст основание к утверждению, что части основного капитала, сверх оборудования, хотя и входят в основной капитал, однако, составляют оборотную часть его. Их отчуждение в добровольном или принудительном (по взысканию кредиторов) порядке зависит лишь от разрешения ВСНХ (условно оборотное имущество).

Приведенное мнение смягчает строгость закона и придает несколько большую гибкость основному капиталу. Но, являясь, быть может, вполне целесообразным с точки зрения нужд и запросов оборота, оно едва ли может быть признано обоснованным действующим законом.

Когда гражданский кодекс в ст. 22-й устанавливал внеоборотность национализированных предприятий и их оборудования, то он несомненно имел в виду такое предприятие в полном его составе. Строго говоря, даже слова „и их оборудование“ являлись по существу излишними и не даром докладчик по проекту гражданского кодекса говорил о неотчуждаемости национализированных имуществ вообще, не детализируя их составных частей (стенографические отчеты IV Сессии ВЦИК, заседание IV, стр. 10). Термин „предприятие“ об'емлет здесь совокупность всех вообще имущественных благ, об'единенных для достижения определенной производственной цели, т.-е. строения, машины, инструменты, запасы топлива, сырья и т. д. Когда закон говорит о неотчуждаемости предприятия и его оборудования, то он расчленяет в сложном понятии предприятия его постоянные и переменные части. Выражение „оборудование“ здесь означает все то, что в предприятии предназначено для постоянного обслуживания его производственных функций, т.-е. не только оборудование в тесном техническом смысле (печи, котлы, трансмиссии), но также машины, инструменты, инвентарь. Все это противопоставляется оборотной части, отчуждаемой или потребляемой в процессе производства.

Таким образом, ст. 22 гражданского кодекса предваряет установленное впоследствии декретом о трестах различие основного и оборотного капитала. Ст. 16 декрета лишь раскрывает содержание ст. 22 гражданского кодекса, давая, взамен общей формулы „предприятие и его оборудование“, более подробный перечень неотчуждаемой части основного капитала.

Если бы ст. 22 гражд. кодекса имела иной смысл, то на законном основании возможно было бы от национализированного предприятия оставить лишь стены, трубы и неподвижные установки, а остальное распродать в частные руки. Едва ли, однако, ктонибудь согласится с правильностью такого применения ст. 22 гражд. кодекса. Тем более, что примечание к ст. 22 допускает отчуждение *не оборудования*, а устаревших и негодных *частей предприятий*. Действующая практика всегда понимала под этим разрешение продажи негодных и устаревших *машин и инструментов* и никогда не соблазнялась возможностью продать годную машину или исправные инструменты под тем предлогом, что это машины и инструменты, а не „оборудование“.

Итак, по нашему мнению, ст. 16 декрета 10 апреля лишь раскрывает содержание ст. 22 гражд. кодекса и взамен общей формулы „предприятие и его оборудование“ дает более подробный перечень неотчуждаемой части уставного капитала.

С точки зрения интересов производства ограничительное толкование ст. 16 декрета 10-го декабря не содержит ничего особенно вредного или опасного. Ограждая неприкосновенность основного капитала, согласно духу и смыслу ст. 22 гражд. кодекса, оно не устраняет возможности изменения основного капитала в сторону обновления материальной части предприятия, ибо к услугам последнего всегда имеется примечание к ст. 22 гражд. кодекса, позволяющее отчуждение негодных или устаревших частей основного капитала.

Неудобство представляет лишь сложный порядок отчуждения в таких случаях. Необходимость испрашивать разрешение центрального органа иммобилизует малоценные и малоустойчивые части основного капитала, вроде мелких инструментов. Однако и это может быть устранено правильным распределением функций между ВСНХ, Промбюро и управлением треста (см. гл. III п. 7).

В большей степени от этого страдает оборот и в частности интересы кредиторов предприятия, лишенных таким образом надежды обратить свое взыскание на основной капитал треста. Несоответствие между имущественной мощностью предприятия и размерами ответственной части его капитала не может, вместе с тем, не отразиться на его *кредитоспособности*. Таковы экономические последствия иммобилизации основного капитала. Однако необходимо иметь в виду, что эта часть капитала треста составляет национализированное имущество, подпадающее под действие ст. 22 гражданского кодекса. Как ни важно может представляться с хозяйственной точки зрения включение основного капитала в оборот, это не может быть проведено в порядке толкования действующего закона.

Его денационализация возможна лишь на основании специального разрешения закона.

8. К числу особенно характерных черт уставного капитала относится порядок его изменения. Уставный капитал образуется, как указывалось раньше, актами государственной власти в лице СТО. Этот орган является в конечном результате распорядителем уставного капитала, при участии ВСНХ (ст. 5 декрета 10 апреля).

В самом декрете не формулирован с достаточной ясностью вопрос о том, в какой мере от СТО зависит последующее изменение первоначально образованного уставного капитала. Является ли раз данный имущественный состав треста (такие то фабрики или заводы) неизменным впредь до окончательной его ликвидации, или же СТО может изменять его в сторону не только увеличения (присоединять новые производственные единицы), но и уменьшения (исключить те или другие заведения из его состава), в последнем случае—*каким образом это должно отразиться на пассиве треста.*

Эту недостаточную ясность закона восполняет типовой устав треста. Согласно § 4 его: „переход отдельных заведений из настоящего треста в другие, включение в него фабрик и заводов из состава других трестов, а также всякое иное изменение состава заведений, входящих в настоящий трест, допускается ВСНХ по соглашению правления настоящего треста с правлением соответствующего треста и по постановлению СТО“.

Это постановление, отражающее дух действующего закона и решающее значение СТО в определении судьбы капитала треста, в своем практическом результате приводит к тому, что раз определенный состав имущества треста является величиной изменчивой по усмотрению СТО.

Так как размер капитала треста подлежит точному обозначению в уставе, то, очевидно, несмотря на умолчание закона, перемены в капитале должны повлечь за собою соответствующее изменение устава. Включение в трест какой либо фабрики или завода, или же исключение из него одного из заведений, должно привести в действие весь сложный механизм формальных действий, которые подлежат осуществлению при первоначальном утверждении устава.

Невыясненным остается, однако, вопрос о судьбе долгов в связи с изменением состава трестовского капитала. Согласно закону, тресты несут ответственность в пределах состоящего в их распоряжении (оборотного) имущества, причем государственная казча не отвечает за долги треста (ст. 1 декрета о трестах). Включение новой производственной единицы должно соответственно этому влечь за собою ответственность треста за

долги включаемого в его состав предприятия. Типовой устав поэтому гласит, что трест принимает на себя актив и пассив входящих в его состав заведений (8 типового устава). Но непредусмотренным остается обратный случай—исключение какого либо заведения из состава треста и связанные с этим последствия по ответственности за долги.

Исключение заведения из состава треста, сокращающее об'ем его имущественных прав, очевидно не может не отразиться и на размере его имущественных обязанностей. Долги, связанные с исключенным заведением, не могут по прежнему обременять актив треста. Это не соответствует ни интересам самого треста, ни его контрагентов. Поэтому исключение заведения из треста должно сопровождаться сложной и имеющей большое практическое значение, как для треста, так и для его кредиторов, процедурой ликвидации долговых отношений. (См. п. 2 гл. VII).

Однако, производство этой операции, ее формы и пределы, законом специально не урегулированы. Формально все находится во власти СТО, от которого зависит степень внимания к связанным с этим интересам, как самого треста, так и его контрагентов.

Помимо из'ятия из состава треста целых производственных единиц (заведений), не устранена возможность из'ятия отдельных предметов, напр. строений, машин, запасов топлива и т. д. И здесь точно также возникает вопрос об ограждении интересов самого треста и связанных с ним деловыми отношениями участников оборота. Формально вопрос разрешается здесь точно также, как и в предшествующем случае. СТО принадлежит здесь вся полнота власти и от его усмотрения зависит тот или другой способ осуществления этой операции.

Сопоставляя вышеизложенное с ограничением ответственности треста размером лишь оборотного капитала, нельзя не прийти к выводу, что положение треста в обороте, с одной стороны, не соответствует его финансовой мощности, а с другой стороны—не отличается достаточною прочностью и определенностью. Эти особенности не могут не оказать своего влияния на кредитоспособность треста в частном обороте. При таких обстоятельствах понятно отмеченное раньше (гл. IV п. 4) значение финансирования со стороны государства и сдержанное отношение к привлечению частного капитала. Закон, видимо, не поощряет чрезмерного общения государственного предприятия с частным финансовым капиталом. Закон принимает все меры к тому, чтобы основная имущественная масса государственных предприятий не уходила в частный оборот, но, оставаясь национализированным имуществом, отдавала туда лишь свою продукцию.

Общая структура органов, заведывающих трестами, была дана уже раньше (гл. III п. 7), и в настоящей главе мы будем касаться устройства и компетенции лишь органов непосредственного управления трестом, тем более, что опущенное здесь будет отчасти еще восполнено далее, в гл. VIII.

1. Органами управления трестом являются прежде всего правление (при коллегиальном управлении, или управляющий — при единоличном) и ревизионная комиссия. Но, затем, органом управления трестом закон называет и ВСНХ (ст. 27 декрета 10 апреля), каковой в некоторых случаях заменяется *представляющим его* на месте Промбюро.

На первый взгляд может показаться странным, каким образом ВСНХ, высшая инстанция по отношению к тресту, может считаться его органом. Здесь, однако, следует отрешиться от взгляда на трест, как на некоторое обособленное целое, противопоставляемое государственным хозяйственным органам (см. выше, гл. III п. п. 6 и 7). СТО, ВСНХ, Промбюро и, наконец, управление треста представляют собою лишь ряд нисходящих ступеней в организованной законом системе заведывания и управления государственною промышленностью. Различие между ними состоит не в том, что один входит в самую организацию треста, а другие находятся как бы вне ее, в виде начальствующих и контролирующих инстанций, — а в том, какие функции на них возложены.

СТО, как мы знаем, не выполняет никаких функций по управлению, но ВСНХ таковые имеет и поэтому не может быть исключен из числа органов управления трестом (о взаимоотношении компетенции СТО и ВСНХ см. гл. III п. 7 и гл. VIII). Компетенция ВСНХ имеет двойственный характер, так как сверх актов организационных ему подведомственны и некоторые акты управления. Но, с другой стороны, ВСНХ, согласно ст. 29 декрета 10 апреля, не вмешивается в *текущую* административную и оперативную работу управления треста. Таким образом ВСНХ, по смыслу закона, принадлежит лишь высшее управление делами треста. Вместе с тем компетенция ВСНХ имеет специальный характер, ему подведомственны дела треста лишь в предусмотренных законом пределах. Все же остальное, прямо не предоставленное ВСНХ по уставу, подлежит ведению правления треста (ст. 35 п. о декрета 10 апреля).

Из предметов, подлежащих ведению ВСНХ, в особенности следует остановиться на распоряжении основным капиталом треста. Как уже указывалось, образование уставного капитала и последующие его изменения путем включения или

исключения из его состава тех или других производственных единиц с соответствующим изменением устава—осуществляются властью СТО. Компетенция ВСНХ касается лишь отдельных частей основного капитала предприятия, т. е. принадлежащих ему строений, машин и других частей оборудования.

В виду того, что предметы, находящиеся в составе основного капитала, иммобилизуются и делаются внеоборотными, контролю ВСНХ подлежит как расширение так и сужение круга предметов, в него входящих. Последовательно проведение этого правила влекло бы за собою то, что всякое приобретение инструмента, хотя бы самого ничтожного и малоценного, нуждалось бы в разрешении ВСНХ; точно также и отчуждение пришедших в негодность или устаревших частей уставного капитала.

Закон, однако, не решается на проведение этого правила в такой именно форме. Последовательное осуществление его создавало бы полное несоответствие с признанной за правлением треста оперативной свободой и правомочиями его в отношении к оборотному капиталу. Поэтому закон допускает, с одной стороны, частичную передачу правомочий ВСНХ его местным органам (Промбюро), а с другой стороны—передоверие этих функций правлениям самих трестов (примечание к п. а ст. 28 декрета 10 апреля).

Из других правомочий ВСНХ следует здесь отметить еще возможное вмешательство в оперативную работу правления в форме утверждения некоторых категорий сделок. Несмотря на оговорку ст. 29 декрета 10 апреля о невмешательстве в оперативную работу треста, закон открывает для ВСНХ возможность ограничивать полномочие правления по совершению договоров. Такие ограничения могут быть включены в самый устав треста или же быть установлены лишь в порядке инструкции, даваемой правлению со стороны ВСНХ. В том или другом порядке может быть установлена обязанность представления определенных видов договоров на утверждение ВСНХ. Однако, ограничения в праве заключения сделок только тогда имеют обязательное значение для оборота, когда они получили выражение в тексте устава. Если же это последовало лишь в форме инструкции, то, составляя внутреннее дело для данного предприятия, такое ограничение не обязательно для добросовестного контрагента (ст. 35 ч. 2 и 3 декрета 10 апреля).

2. Управление трестом может быть осуществляемо или коллегиально—правлением треста, или же единолично—управляющим трестом. В обоих случаях назначение возглавляющего оперативную работу треста персонала производится ВСНХ (или его Промбюро).

Правление (или управляющий) треста не состоит в положении, так сказать, приказчика хозоргана, обязанного лишь к точному выполнению данных ему приказаний. Наоборот, он сам является самостоятельным в пределах своей компетенции и ответственным органом в системе управления трестом, за свой страх и риск ведущим его текущую работу.

Поэтому назначение правления треста производится на определенный срок, совпадающий с операционным годом предприятия. В пределах этого срока правление руководит текущей работой треста, представляя к окончанию операционного года (исчисляемого с 1-го октября по 30-е сентября каждого года) отчет за истекшее время. С рассмотрением этого отчета связан пересмотр и состава правления треста и определение его на следующий операционный год.

В промежутке между этими двумя датами правление треста не подлежит смене по усмотрению назначающего органа. Лишь в случае обнаружения ревизионной комиссией или судебными властями несоответствия возложенным обязанностям, бесхозяйственности или других преступных деяний управление треста может быть сменено до истечения указанного срока (ст. 30 декрета 10 апреля). Соответственно такой самостоятельности положения правления треста закон формулирует обязанности председателя и членов правления (а равно и управляющего и заместителя его в трестах единоличного управления), как обязанность проявлять предусмотрительность заботливого хозяина. Но так как по существу правление все таки не хозяин, а лишь доверенная организация для самостоятельного управления, — то эта обязанность быть для имущества заботливым хозяином подкрепляется угрозой дисциплинарной, уголовной и гражданской ответственности (ст. 31 декрета 10 апреля).

3. Определив в общей форме круг правомочий управления, как руководство текущей административной и оперативной работой треста (ст. 29 декрета 10 апреля), закон дает затем более детальное указание на функции его в ст. 35 того же декрета. Здесь закон, с одной стороны, положительным образом перечисляет права правления треста. Сюда относятся: руководство операциями треста, управление его делами и имуществом, представительство треста на суде и вне суда, заключение сделок, входящих в круг операций треста. В частности, по словам закона, к ведению треста относятся организация производства и руководство деятельностью входящих в состав треста производственных единиц, устройство кассы и делопроизводства, прием и увольнение служащих, покупка и продажа имущества, как за наличные, так и в кредит (с соблюдением

правил о внеоборотных имуществах—ст. 28 п. а декрета о трестах), принятие и выдача векселей и т. д.

Длинный перечень, даваемый законом, не имеет, однако, исчерпывающего значения. В заключение ст. 35 говорится, что ведению правления треста принадлежат и другие дела, поскольку они не входят по уставу треста в компетенцию ВСНХ. Таким образом, из двух органов, коим подведомственно управление треста, ВСНХ имеет, как уже указывалось, компетенцию специальную, а правление треста (или управляющий им)—общую. При этом, однако, соотношение указанных двух органов управления таково, что вопросы более важного содержания подлежат ведению ВСНХ (последний кроме того имеет ряд функций характера организационного—см. гл. III п. 7).

4. Органом надзора за деятельностью треста является ревизионная комиссия. Функции последней, согласно ст. 43 декрета 10 апреля, заключаются в последующем контроле посредством проверки отчетов и балансов треста, для чего она вправе требовать предъявления книги, оправдательных документов, проверять наличность кассы, опрашивать членов правления и служащих треста по возникающим при рассмотрении отчетов и документов вопросам. Кроме того, ревизионная комиссия, по поручению ВСНХ или по собственной инициативе, может производить внезапные ревизии и обследования. Наконец, ревизионная комиссия дает заключения по проектам сметы и плана работ.

Наоборот, в компетенцию ревизионной комиссии не входит предварительный контроль, а равно и предварительные заключения по отдельным мероприятиям или предположениям правления (ст. 43 декрета 10 апреля). Ответственность за результаты работы треста лежит всецело на правлении его. Функции ревизионной комиссии заключаются вовсе не в том, чтобы узаконять мероприятия правления, но, наоборот, в том, чтобы подвергать критической оценке результаты работ треста (см. приказ по ВСНХ, от 19-го мая 1923 г., № 286, в котором опубликована инструкция ревизионной комиссии). При таких обстоятельствах понятен категорический запрет предварительного контроля и предварительных заключений ревизионной комиссии, как ослабляющих принцип ответственного управления делами треста.

Ревизионная комиссия назначается ВСНХ (или Промбюро) в числе 3-х членов на тот же годовой срок, как и правление треста, с оплатою ее на счет последнего.

По букве закона ревизионная комиссия организуется в составе треста. Выражение „в составе треста“ способно вызывать неправильное представление относительно действительной природы и функций комиссии. Оно может возбудить мысль о

том, что трест составляет как бы обособленную организацию, возглавляемую правлением и ревизионной комиссией и ответственную перед ВСНХ, как представителем государства—хозяина. При таком представлении непосредственное управление треста оказывается основанным на принципе дуализма. Работа треста является распределенною между двумя обособленными органами, из которых один действует (правление), а другой контролирует (ревизионная комиссия), сообщая полученные данные высшему органу управления, стоящему вне непосредственной организации предприятия (ВСНХ).

Такое представление неправильно, так как трест вовсе не является обособленной и замкнутой в себе организацией, составные части которой могут быть противоположаемы вышестоящим хозяйственным органам государства. Как мы видели раньше, органом управления трестом является также ВСНХ. Через его посредство трест, как имущество, организованное в самостоятельное хозяйственное управление, связан со всею системою государственных хозяйственных органов.

При таких обстоятельствах выражение „в составе треста“ равносильно выражению ст. 27 декрета 10 апреля—„орган ревизии треста“ и служит лишь обозначением отношения ревизионной комиссии к тресту как контрольного органа.

Поэтому в частности из слов „в составе треста“ вовсе нельзя также делать вывода о пространственном нахождении ревизионной комиссии при правлении, как центре хозяйственной организации треста. Ревизионная комиссия, в связи с установленными законом задачами ее деятельности и запретом предварительного контроля, не является органом, обслуживающим правление и потому нисколько не связана и с местопребыванием последнего.

Наоборот, деятельность ревизионной комиссии близко соприкасается с деятельностью ВСНХ (или его Промбюро). Так как вместе с тем от последних исходит и самое инструктирование и направление деятельности ревизионной комиссии, то и формально и фактически она оказывается тесно связанной с этими именно органами. Этому должно содействовать и то, что ВСНХ может сформировать одну ревизионную комиссию для обслуживания двух и даже более трестов.

Неправильно было бы, однако, делать из этого вывод, что ревизионная комиссия есть орган ВСНХ по управлению трестом, как это делает упомянутая выше инструкция. При всей неустановленности понятия органа, все же можно сказать, что органу присущ элемент выполнения воли не своей, но чужой—того, чьим органом он является. Между тем правление ведет самостоятельную оперативную работу и отвечает за нее само, а не ВСНХ. В действительности правление, ревизионная комис-

сия и сам ВСНХ суть лишь различные органы государства по управлению и заведыванию трестированным предприятием, находящиеся в различных отношениях контроля и подчинения (о роли ревизионной комиссии см. Гинзбург-Наумов — Новое законодательство о трестах, стр. 40, 41, 52, 93 130).

Будучи подчинены ВСНХ, члены ревизионной комиссии, сверх уголовной ответственности в общем порядке, несут и дисциплинарную ответственность перед ВСНХ за неправильные действия или упущения при исполнении своих обязанностей.

VI.

1. Трест представляет собою единое предприятие, но в состав его, согласно ст. 3 декрета 10 апреля 1923 г., может входить несколько производственных единиц (фабрик, заводов, промыслов и т. д.). Каждая такая производственная единица получает в законе наименование „заведения“.

Взаимоотношение треста в целом и входящих в его состав заведений определяется противоположностью первого, как предприятия, и вторых, как производственных единиц.

Производственная единица представляет собою организованное хозяйственное целое. Но оно не обладает по закону правами юридического лица и, следовательно, не является самостоятельным участником гражданского оборота. Наоборот, предприятие считается юридическим лицом и субъектом соответствующих имущественных прав и обязанностей. Отдельная производственная единица может быть наделена самостоятельной правоспособностью и тем самым превратиться в предприятие, трест (см. 3 примечание декрета 10 апреля). Но возможно и объединение нескольких заведений в одно предприятие, в трест, состоящий из нескольких производственных единиц.

2. В применении к трестам сложного состава возникает вопрос о взаимоотношениях целого (треста) и отдельных его частей (заведений). Трест иностранного права, как известно, представляет собою объединение нескольких предприятий, самостоятельность которых ограничена сосредоточением руководящей власти в организации, их объединяющей. Как бы далеко ни шли ограничения отдельных предприятий, входящих в трест, все же они не поглощаются последним окончательно; трест формально является всегда объединением отдельных предприятий.

В силу особенностей организации советского треста (см. гл. II) подобная квалификация к нему вообще неприменима. Входящим в его состав единицам присвоено только производственное значение. Никакой обособленной юридической жизни

они не имеют. Трест советского права с юридической стороны представляет собою единое целое и лишь в производственном отношении может распадаться на несколько частей.

Такая конструкция треста вовсе не означает полной централизации его работы. С производственной стороны включение предприятия в трест не означает упразднения его как обособленной (производственной) единицы. Заведение состоит по-прежнему из определенной имущественной массы, составляющей часть уставного капитала треста. Это обособленное имущество является организованным для осуществления определенных производственных задач и возглавляется назначенным со стороны правления треста директором.

Прочность обособленно о существовании заведения, как составной *производственной* части треста, обеспечивается тем, что состав и наименование заведений, входящих в трест, определяются уставом последнего и могут быть изменены лишь в порядке изменения устава с разрешения СТО (ст. 14 декрета 10 апреля, § 4 типового устава).

Что же касается участия заведения в обороте, то такое самостоятельно и от своего имени осуществляемо им быть не может. Не обладая самостоятельной правоспособностью, заведение не вправе от своего имени совершать какие либо сделки или договоры. Но это вовсе еще не означает того, что все сношения с внешним миром осуществляются здесь только через аппарат треста.

Директору подведомственна не только производственная, но и коммерческая сторона деятельности заведения. Согласно ст. 41 декрета 10-го апреля, директор является доверенным треста и действует в пределах данных ему полномочий. В круг этих полномочий входит как организация производства, так равно и совершение ряда необходимых юридических действий.

3 Пределы самостоятельности, предоставленной директору заведения, не определяются только усмотрением правления треста. В порядке инструкционном, на основании п. 2 ст. 28 декрета 10 апреля, правлениям трестов были указаны руководящие начала в особом „положении об управлении заведением, входящим в состав треста“.

Положение это подтверждает, что трест есть единое предприятие и что заведение пользуется самостоятельностью лишь *в пределах*, определяемых правлением треста (§ 1 положения). Управление заведением поручается директору, действующему на основании и в пределах выданной ему правлением доверенности (§§ 2 и 9 положения). Установление пределов полномочий, предоставляемых директору, определяется руководящими указаниями, содержащимися в настоящем положении. Директор разрабатывает проект производственной программы,

сметы, сроков выполнения производственной программы и т. д. и представляет это на утверждение правления треста (§ 10 положения). Заготовка сырья, топлива и проч., финансирование завода, *как правило*, производится правлением, но второстепенные заготовительные операции ведутся самим заведением. На него же могут быть возложены правлением обязанности по заготовке и в более широком объеме, даже на нужды других заведений треста. Кроме того, директор может и даже обязан проявлять самостоятельность в этом отношении с обязательным доведением до сведения правления о своих действиях (§§ 11 и 12 положения). Коммерческие операции (прием заказов, сдача подрядов, реализация продукции) сосредоточены в правлении треста. Но ограниченные функции в этом отношении правление может передавать и директору заведения (§ 12 положения); мелкие же заказы, не нарушающие исполнения заданий треста и не требующие больших затрат, могут приниматься директором без предварительного разрешения треста (прим. к § 12). Директор производит расходы по сметам, утверждаемым правлением треста, но может расходовать сверх сметы в случаях, не терпящих отлагательства, с ответственностью перед трестом за необходимость и последствия такого расхода (§ 14 положения).

4. В виду того, что заведение является лишь производственной единицей, не имеющей никакого отдельного юридического бытия, возникает вопрос о так называемых исключительных правах, принадлежавших данному предприятию до момента превращения его в заведение, т. е. включения его в состав треста. Такими исключительными правами являются: право на фирму, на товарный знак, фабричный рисунок или модель, патент на изобретение. Завод или фабрика ранее существовали как самостоятельные предприятия и пользовались своим товарным знаком и т. п. Спрашивается: какое влияние должно на это оказать включение такого предприятия в трест? Происходит ли вследствие этого полное погашение его исключительных прав, или переход их к тресту, или же возможно сохранение некоторых правомочий и за заведением?

Поскольку дело идет о правах на фабричные модели, рисунки и патенты на изобретение, не возникает сомнения в том, что право на все это переходит к тресту, как органу, отныне управомоченному на осуществление производства на данном заводе или фабрике. Поскольку действительный хозяин всего этого, т. е. государство, в лице СТО и ВСНХ, считает необходимым во всяком случае закрепить за данным заводом (соответственно фабрикой) эти права, оно не включит завода в состав треста в качестве одного из заведений, но оставит его самостоятельно действующим предприятием. Наоборот,

включение в трест равносильно изъятию из числа самостоятельных участников гражданского оборота и из числа субъектов особых имущественных прав, в том числе и упомянутых видов исключительных прав.

То же самое приходится сказать и о фирме предприятия. Перестав быть предприятием, завод (или фабрика) вместе с тем утрачивает и особое наименование в смысле отличия от других участников оборота. Но свое прежнее обозначение он сохраняет для индивидуализации среди других производственных единиц треста, так как само по себе включение в состав треста вовсе не равносильно полному обезличению предприятия. В уставе треста обозначаются все входящие в него производственные единицы с сохранением их наименований. Всякое изменение состава капитала, наприм., в форме упразднения какого либо из заводов, или слияния его с другим, может быть осуществлено лишь в порядке изменения устава и с разрешения СТО.

Таким образом предприятие, будучи включено в состав треста и утратив благодаря этому свое обособленное юридическое бытие и отдельное имя участника гражданского оборота, сохраняет то и другое фактически. В случае исключения данной производственной единицы из треста для превращения в самостоятельно действующее предприятие—бывшее наименование ее как заведения снова приобретает характер фирмы.

Что касается товарного знака, как способа отличать товар, выпускаемый данным предприятием, от продукции других фирм, то включение предприятия в трест (при сохранении последним значения особой производственной единицы) не устраняет в полной мере потребности в нем. Продукция отдельного заведения может иметь свои особенности, ценимые на рынке. Поэтому нет основания присваивать товарный знак такого заведения всем прочим заведениям треста, а с другой стороны, лишать заведение возможности давать отличительные знаки своей продукции.

Согласно декрету 10 ноября 1922 г. о товарных знаках таковыми могут обладать только предприятия (ст. 1). Но с другой стороны, по смыслу ст. 19 этого декрета, продукция какой либо части предприятия, составляющей отдельное производство (т. е. особую производственную единицу), может быть снабжена особым товарным знаком. В применении к тресту и находящемуся в его составе заведению это дает основание допускать особое маркирование товаров данной производственной единицы с тем, чтобы в товарном знаке была выражена принадлежность заведения к тресту посредством указания в товарном знаке фирмы треста. Последнее необходимо, так как в товарном знаке должно содержаться обозначение

фирмы предприятия (ст. 3 декрета 10 ноября 1922 г. о товарных знаках). Так как в данном случае предприятием является не заведение, выпускающее товар, но трест, в составе которого он находится, то правило упомянутой ст. 3 приводит к указанию в товарном знаке фирмы самого треста на ряду с обозначением самого заведения (ср. ст. 21 положения об управлении заведениям, входящим в состав треста).

Приведенное правило влечет за собою присоединение к товарному знаку наименования треста, в случае включения предприятия в его состав и, наоборот, устранение, в случае исключения из треста. Другими словами, всякое изменение правового положения заведения влечет за собою изменение товарного знака. Такой порядок создает несомненные практические неудобства и затруднения (см. А. М. Шахназаров—Товарный знак. Москва, 1923 г. гл. IV), но с точки зрения действующего закона такой вывод представляется неизбежным.

5. В предшествующем неоднократно уже приходилось указывать на неправильность представления о тресте, как обособленной и замкнутой в себе организации, возглавляемой автономным правлением. Мы старались подчеркнуть, что государство, выделив в особое управление предприятие, организует целую систему заведывающих органов, среди которых свое место занимает правление. Особенность и важность значения правления заключается в том, что оно ведет текущие операции треста и поэтому является наиболее активным в этой системе органов. С формальной стороны правление является и наиболее крайним ответвлением системы правительственных органов.

В этом отношении известное дополнение и поправку вносит положение заведения в системе управления трестом. Директор заведения не есть только доверенный треста, авторитет которого его покрывает и отрезает в юридическом смысле от внешнего мира и, в частности, от вышестоящих хозяйственных органов. Директор есть тоже должностное лицо государства, а не просто доверенный приказчик треста. Правда, он назначается правлением треста, действует на основании доверенности и в пределах инструкции правления. Однако, как должностное лицо, он не обязан безусловным повиновением правлению. *Неправильные и нецелесообразные* действия последнего он может обжаловать по линии ВСНХ, как прямо говорится в положении об управлении заведением, входящим в состав треста. Известная самостоятельность и ответственность положения администрации заведения сказывается и в том, что правление треста представляет в ВСНХ свои проекты производственной программы и сметы, основанные на учете производственных возможностей и коммерческой выгоды работы

отдельных заведений и согласованные с управлением сих заведений. И здесь администрация заведения не послушное только орудие, но до известной степени самостоятельный орган в системе управления государственным предприятием (ст. 17). Это лишний раз показывает, в какой степени трест не является замкнутым в отношении государств целым. Государственные должностные лица проникают в самые недра трестовской организации и представляют собою ответвления государственной власти, уходящие еще дальше, чем самые правления трестов.

Вопрос о взаимоотношении треста и его заведений до сих пор еще не отлился в окончательно установившуюся формулу. Общее значение в этом имеет и трудность вопроса, требующего достаточного промежутка времени для приспособления общих норм к конкретным нуждам каждого отдельного случая. Но кроме того здесь есть и специальная трудность, заключающаяся в двойственности положения администрации заведения. С одной стороны, она действует по доверенности правления и в пределах ее, а с другой — является отчасти первичным органом в управлении предприятием, тем самым имеющим известное право на самостоятельность.

Окончательная форма взаимоотношений треста и заведения должна представлять равнодействующую этих двух сил.

VII.

1. Тресты организуются ВСНХ или другими народными комиссариатами (ст. 4 декрета 10-го апреля 1923 г.). С этой целью государственный орган-учредитель определяет состав имущества (уставный капитал), предназначенного для треста, составляет устав с точным обозначением в нем наименования (фирмы) треста, предмета предприятия, срока действия (если таковой установлен), размера уставного капитала, численного состава и полномочий правления и ревизионной комиссии.

Составленный проект устава (вместе с инвентарной описью и оценкой имущества, передаваемого тресту) представляется на утверждение СТО (ст. 10 декрета 10-го апреля). В случае утверждения со стороны последнего, ВСНХ (или соответствующий госорган-учредитель) назначает правление и ревизионную комиссию и передает правлению имущество треста, согласно вышеуказанной описи и оценки (ст. 11 декрета 10-го апреля). После приемки и проверки имущества и составления вступительного баланса, проверяемого ревизионной комиссией, правление производит регистрацию устава согласно правилам о смешанных акционерных обществах (ст. 12 декрета 10 апреля), т. е., согласно ныне действующим правилам, в Комвну-

торге (собр. узак. 1923 г. № 29—ст. 334), о чем затем производится публикация в газете „Экономическая Жизнь“ (ст. 13 декрета 10 апреля).

С момента регистрации трест приобретает права юридического лица (ст. 2 декрета 10-го апреля) и, следовательно, начинает от своего имени приобретать имущественные права и обязанности. Юридические действия, совершенные правлением с момента его утверждения, но до регистрации, являются обязательными для треста. Правда, закон не предусматривает этого вопроса прямо в применении к трестам, по аналогии с тем, как он делает это в отношении акционерных компаний. Гражданский кодекс специально регулирует вопрос об обязательности юридических сделок, совершенных до получения предприятием прав юридического лица. Согласно ст. 339 гражд. кодекса, учредители акционерного общества вправе совершать все необходимые сделки и договоры от имени общества до момента публикации о регистрации его устава. Но если общее собрание акционеров не утвердит или не одобрит эти сделки, то учредители подлежат лично солидарной ответственности перед контрагентами.

Таким образом, для контрагентов акционерного общества существует момент неопределенности, когда они еще не знают в точности, кто явится ответственным перед ними лицом: акционерное общество или только его учредители. Такая двойственность положения неизбежна при учреждении акционерного общества, так как здесь имеется налицо противоположение, с одной стороны, группы учредителей, а с другой стороны, акционерного общества, при чем каждая сторона имеет свои отдельные интересы.

Совсем в другом положении находится государство при учреждении трестов. Государство-учредитель является хозяином имущества, предназначенного в уставный капитал треста. Лица, назначенные в правление, считаются доверенными по управлению государственным имуществом, независимо от факта регистрации устава треста и публикации о ней. Последнее имеет значение для третьих лиц, осведомляемых таким образом о состоявшемся факте возникновения треста и об образовании состава его правления. Но само государство не имеет основания не признавать юридического значения за действиями назначенных им представителей на том только основании, что факт их назначения не был еще оглашен в установленном порядке. Поэтому действия правления имеют юридическое значение вне зависимости от регистрации.

Описанный порядок образования уставного капитала и личного состава треста применяется и к последующим изменениям того или другого. Другими словами, исключение из со-

ства треста какого либо заведения (фабрики или завода) или, наоборот, включение в него новых должно исходить от ВСНХ и утверждаться СТО. Изменение состава правления или ревизионной комиссии должно производиться ВСНХ. То и другое подлежит регистрации и опубликованию (ст. 14 декрета 10-го апреля).

2. Описанный выше порядок образования имеет более теоретический чем практический интерес. В виде общего правила тресты, ныне подчиняющиеся декрету 10 апреля, возникли еще ранее его издания. Для них, таким образом, дело идет лишь о преобразовании согласно действующему закону. Такое производится не в форме ликвидации существующего треста и образования нового, но посредством замены прежнего устава новым в тех трестах, существование которых впредь признано целесообразным. Если при этом пересмотр устава не сопровождается каким нибудь изменением уставного капитала (исключение одних производственных единиц или включение других), то переход на новый устав совершается почти незаметно для текущей работы треста и положения его в обороте.

Но замена устава может сопровождаться изменением состава имущества треста посредством включения в него новых производственных единиц или исключения какого либо из заведений. Поскольку дело идет о включении существующего предприятия в трест в качестве его заведения, постольку необходимо принятие его вместе с активом и *пассивом*. Это обычно оговаривается в уставе треста (см. типовый устав § 8 Торг.-Пром. Газ. 1923 г. № 299).

Более сложным представляется вопрос о последствиях исключения из состава треста какого-либо из входящих в него ранее заведений. С формальной стороны субъектом долговых отношений является трест, как юридическое лицо, а не входящие в его состав заведения. Хотя директор заведения, как мы раньше видели (см. г. VI) управомочен на заключение некоторых договоров, однако он делает это как представитель треста в пределах, указанных правлением. Поэтому долги по заведению есть долги треста, а не входящих в его состав производственных единиц. Исключение из треста какого-либо заведения, с такой точки зрения, должно было бы уменьшить только его актив, оставляя задолженность в прежнем состоянии. Такой результат является, однако, одинаково неблагоприятным как для треста, так и для его контрагентов, в частности и тех, которые при совершении сделки имели в виду исключаемое из состава треста заведение.

Правильное разрешение создающегося при таких обстоятельствах положения заключается в том, чтобы по возможности

выделить из общей массы долговых отношений треста (активных и пассивных) те, которые относятся именно к исключаемому заведению. Так как управление отдельных заведений имеет определенный округ правомочий по совершению сделок и договоров и ведет соответствующую отчетность, то установление суммы долговых отношений по каждому отдельному заведению не представляет затруднений. Исключение же из их актива и пассива треста не должно вызывать возражений.

Но этим далеко еще не исчерпывается имущественная масса, фактически приуроченная к данному заведению. Таковы, например, закупки сырья, производимые трестом для всего предприятия в целом, договоры на поставку его продукции и т. п. В таких имущественных отношениях установить долю, причитающуюся на каждое заведение в отдельности, возможно лишь посредством последующей разверстки пропорционально мощности и потребностям отдельных заведений.

Раньше уже отмечалось, какая власть предоставлена СТО в деле определения состава уставного капитала (гл. III, п. 7). Здесь мы имеем лишь частный случай применения того общего начала, что от СТО зависит распоряжение уставным капиталом треста и, в частности, его уменьшение. Вышеизложенные соображения не имеют значения указания юридических форм охранения имущественных правоотношений, связанных с трестом. Этими соображениями СТО формально не связано. Дело идет лишь об определении фактического пути наиболее целесообразного и безболезненного выделения части уставного капитала предприятия.

3. Трест прекращает свое существование в том случае, если его уставный капитал сокращается на $\frac{2}{5}$. Этого не наступит в том случае, если СТО по представлению ВСНХ, в виду особенного государственного значения работ треста, признает необходимым покрыть дефицит за счет государственной казны (ст. 51 а и ст. 20 декрета 10 апреля, см. гл. IV п. 3). Впрочем, закон допускает другой выход, а именно: соответственное понижение размера уставного капитала треста в порядке изменения его устава (ст. 51 декрета 10 апреля).

П. а ст. 51 предусматривает случай уменьшения уставного капитала в целом, т. е. как оборотного, так равным образом и основного.

Но кроме того, закон в п. б той-же статьи предусматривает, как самостоятельное основание для прекращения существования треста, недостаточность оборотных средств для покрытия долгов, предъявляемых ко взысканию. В виду того, что основной капитал в виде общего правила изъят из оборота, вполне возможен случай недостаточности оборотного капитала для дальнейшего дела при достаточности основного. Несмотря

на умолчание закона, следует предполагать, что и в этом случае возможно предупреждение ликвидации треста посредством пополнения его оборотного капитала за счет казны, при отсутствии же такового пополнения должна наступить ликвидация треста.

Третье основание, устанавливаемое законом для прекращения существования треста — есть признание нецелесообразности его дальнейшего существования (п. 6 ст. 51 декрета 10 апреля). Однако, нецелесообразность существования треста, как доходного предприятия, не устраняет целесообразности его в иных отношениях. В таком случае трест может быть превращен в предприятие, финансируемое в сметном порядке.

4. Прекращение существования треста связано с процедурой его ликвидации. Таковая производится особой комиссией, в срок не более одного года (ст. 52 декрета 10 апреля). Так как ответственность по долгам треста ограничивается оборотным имуществом, в которое входят кроме оборотного капитала лишь отчуждаемые части основного (см. гл. IV п. п. 6 и 7), а государственная казна никакой ответственности на себя не принимает, то практическое значение получает вопрос о порядке удовлетворения кредиторов при обнаружившейся недостаточности оборотного актива для полного погашения долгов треста.

Деятельность ликвидационной комиссии, а равно и порядок удовлетворения кредиторов, остается не урегулированным действующим законодательством и, в частности, декретом 10 апреля 1923 года.

В названном декрете содержится лишь указание на то, что в случае отказа ВСНХ от удовлетворения кредиторов треста, по просьбе последних, губернский суд, по месту нахождения правления треста, может назначить в состав ликвидационной комиссии представителя их интересов (примечание к ст. 52).

Функции представителя кредиторов заключаются, очевидно, в том, чтобы следить за включением в актив оборотного имущества всего того, что может быть отнесено к этой категории имущества, и вообще отстаивать интересы кредиторов. Но этим вовсе еще не разрешается вопрос о том, какое положение занимает представитель кредиторов в ликвидационной комиссии и каковы вообще его права и обязанности в составе этой комиссии.

Вообще следует сказать, что процесс ликвидации треста оставлен законом без надлежащего нормирования. Между тем он имеет практическое значение в виду бывших уже случаев ликвидации, расформирования и переформирования трестов.

Интересы оборота и в частности государственных предприятий кредиторов ликвидируемых трестов настоятельно тре-

буют того, чтобы прекращение существования треста не оказывалось обстоятельством, создающим непредвиденный ущерб их имущественным интересам.

VIII.

1. Тресты не представляют собой единого типа организации государственной промышленности, одинакового на всем пространстве Советской Федерации. Тот декрет, который был предметом изучения в предшествующих главах, имеет в виду только один, так сказать, центральный тип государственного треста. Наряду с трестами республиканского значения и подчиненными ВСНХ РСФСР (а равно и других Союзных Республик), существуют еще тресты общесоюзного и местного значения.

Советское законодательство в сфере организации государственной промышленности началось с точного нормирования, так называемого, государственного треста (декрет 10-го апреля 1923 г.), подразумевая под этим предприятие отдельной республики, входящей в состав союза (союзной республики); в частности декрет 10 апреля имел в виду тресты РСФСР.

Но затем законодательство пошло вниз—в сторону особой организации государственной промышленности местного значения (декрет 17 июля 1923 г.). Завершением всего является выделение из государственных (республиканских) предприятий особых трестов, стоящих выше и имеющих общесоюзное значение и определение порядка управления ими.

Следуя хронологическому развитию, мы остановимся сперва на местных трестах и на их взаимоотношении с государственными.

Противоположение трестов общегосударственных и местных не долженствует отражать в себе каких либо местных специфических особенностей той или иной части Федерации. Предприятие, имеющее резко подчеркнутый характер, может тем не менее быть предприятием общегосударственного значения. Однако, вопрос о том, по какому признаку считать то или другое предприятие имеющим местное или общее значение, представляет собою весьма трудно поддающуюся разрешению проблему.

Закон по этому предмету не дает никакого определенного решения. В декрете 10 апреля 1923 г. (ст. 53) говорится просто о том, что он распространяет свое действие на предприятия, стоящие в непосредственном ведении ВСНХ и Наркоматов; а в ст. 54 поручается ВСНХ в месячный срок внести в СНК законопроект о распространении настоящего декрета, с внесением в него необходимых изменений на предприятия, находящиеся в управлении местных органов.

В изданном на основании этого декрета 17 июля 1923 г. о трестах, находящихся в управлении местных органов, точно также не указываются признаки, определяющие принадлежность предприятия к местным трестам.

Вопрос этот не возбуждал бы затруднений в том случае, если бы закон сам давал перечень предприятий, относящихся к той или иной группе. Однако, закон в данном случае этого не делает. Поэтому вопрос: что есть местный трест—составляет трудно разрешимую задачу до тех пор, пока компетентная власть не даст исчерпывающих указаний.

Оснований для классификации может быть избрано очень много: местонахождение отдельных заведений треста, район сбыта продукции или заготовки сырья, мощность оборудования, монопольность положения в производстве и т. д. Однако, анализ этих признаков (см. А. Шахназаров — „Местный Трест“ в журнале „Промышленность и Торговля“, Петроград 1923 г. № 36) показывает, что ни один из них, будучи взят в отдельности, сам по себе не может в достаточной степени обосновать признание треста общегосударственным или местным. Лишь оценка всех обстоятельств, характеризующих трест в совокупности, может дать достаточный материал для разрешения этого вопроса.

2. Тресты общегосударственные и местные представляют собою государственные предприятия, организованные по одному и тому же принципу, т. е. как самостоятельные хозяйственные единицы, действующие в качестве юридических лиц на началах хозяйственного расчета и ответственности, ограниченной пределами оборотного имущества. Однако, в этих общих рамках закон укладывает два существенно различных типа государственных предприятий. Несходство между ними сказывается как в основном организационном вопросе о подчинении центральным или местным хозяйственным органам, так и в некоторых более детальных постановлениях. Раньше уже отмечалось, что функции органов, заведывающих предприятиями государственной промышленности, имеют двоякого рода содержание (гл. III п. 7). Это есть или акты организационного характера или же акты административно-хозяйственного управления. Эти функции заведывающих государственных органов различным образом распределяются в трестах общегосударственных и местных.

Как было указано в своем месте, высшим органом, заведывающим государственной промышленностью, является СТО. В его компетенции сосредоточены важнейшие акты организационного характера: утверждение устава, изменение уставного капитала, ликвидация предприятия и т. д.; а также и важнейшие акты урегулирования работы государственной промышлен-

ленности (установление порядка составления инвентаря и оценки имущества треста, установление в необходимых случаях отпускных цен и т. п.).

Другим органом, в компетенцию которого входят организационные акты, является ВСНХ, который сверх предварительной разработки вопросов, подлежащих окончательному разрешению СТО, имеет и самостоятельную компетенцию (распоряжение отдельными частями основного капитала, расходование резервного капитала, издание инструкций правлению и главным бухгалтерам). На ряду с этим ВСНХ выполняет отдельные функции и непосредственного управления: назначение и смещение правлений, разрешение разногласий между его членами и проч.

Наконец, правление ведает непосредственное управление делами треста; оно несет текущую административную и оперативную работу предприятия.

Таким образом, общая схема организации и деятельности треста общегосударственного значения представляется в следующем виде. СТО выполняет функции организационного характера, ВСНХ является органом двойственной компетенции: ему подведомственны вопросы и организации и управления трестом. Наконец, правление выполняет текущую работу предприятия.

Совсем иным образом определяются функции заведывания и управления предприятием местной промышленности. Из содержания той компетенции центральных хозяйственных органов, о которой только что говорилось, значительная часть уделена местным органам. Действия организационные и имеющие главным образом распорядительный характер, совершенно оторваны от центра. Предприятия местной промышленности возникают и прекращают свое существование независимо от участия в этом СТО и ВСНХ. Из организационных актов за этими последними органами остается лишь общая регулировка деятельности предприятий местной промышленности (установление порядка составления инвентарей и оценок, издание инструкции главным бухгалтерам, регулировка цен и т. д. — ст. 7 прим., 36 прим. 1 и 2, ст. 44 и др. декрета 17 июля 1923 г.).

Наоборот, распорядительные функции оказываются сосредоточенными в руках местной власти. Главная масса их присвоена губсовнархозам или отместпромам (отделам местной промышленности). Таковы: организация треста, определение уставного капитала, его изменение, назначение ликвидационной комиссии и проч. (ст. 1, 6, 7 и друг. декрета 17 июля 1923 г.). Однако, для некоторых важнейших организационных актов имеется еще высшая инстанция. Сюда относятся утверждение устава, утверждение смет и отчетов, определение % отчисления

от прибыли, отчуждение основного капитала, ликвидация треста (ст. ст. 8, 18, 21, 47 декрета 17 июля 1923 г.). Такого рода вопросы подлежат ведению губэконосо, по соглашению с Промбюро, (а где таковых нет—ВСНХ данной союзной республики); в случае же разногласия между ними, окончательное решение принадлежит обэконосо (или экономсовещанию данной союзной республики).

Таким образом, для трестов местного значения характерную черту составляет самостоятельность местных хозяйственных органов в важнейших вопросах возникновения и существования трестов. Центральная государственная власть, в виде общего правила, оставляет за собою лишь урегулирование деятельности местных трестов в основных ее чертах. Предоставляя все остальное местной власти, центральные хозяйственные органы имеют в виду лишь удерживать местную промышленность в тех пределах и формах, которые установлены для государственной промышленности вообще.

3. Формальной структуре трестов, как органов, подчиненных местной власти, соответствует материальная основа их существования. В то время как предприятия общегосударственного значения финансируются за счет государственного бюджета, местные тресты отрезаны от этого источника снабжения материальными средствами. Их финансирование происходит за счет местного бюджета. С этой целью в составе последнего образуется специальный промышленный фонд. Промышленный фонд складывается из процентных отчислений: а) от прибыли местных промышленных предприятий, б) от сумм, вырученных от продажи старого промышленного имущества, а также мелких промышленных предприятий, поскольку таковая продажа допускается законом, в) от арендной платы за сданные в аренду предприятия, подведомственные губсовнархозу (ст. 19 декрета 17 июля).

Прибыль общегосударственных трестов вносится в доход казны, за исключением отчислений в резервный капитал, в специальный фонд на улучшение быта рабочих (и служащих) и отчислений на выдачу тантьем членам правления и наградных рабочим и служащим (ст. 45 декрета 10 апреля 1923 г. в редакции постановления ЦИК и СНК, от 28 сентября 1923 г.). Таким образом, доходы от общегосударственных предприятий обезличиваются в общей массе государственных имуществ. Финансирование их за счет государственной казны, средства для которой черпаются из общегосударственных доходов, не стоит ни в какой живой и наглядной связи с доходностью трестов.

Иначе дело постановлено для местной промышленности. Она питается за счет собственных средств, концентрируемых

в промышленном фонде. Составляя в этом отношении как бы органическое целое, местная промышленность в самой себе долженствует находить средства для тех отдельных предприятий, которые нуждаются во временной поддержке.

При такой системе устанавливается известное соответствие между теми требованиями, которые отдельные предприятия предъявляют к государственному бюджету, и тем активом, который промышленность вносит в общую массу местных средств. Тем самым должна создаваться возможность учета реальных результатов работы как отдельных предприятий, так и всей местной промышленности в целом.

4. Практическое дополнение к указанному выше общему началу составляет правило ст. 22 декрета 17 июля. Эта статья содержит постановление, согласно которому дефицит предприятия может быть принят на местный бюджет лишь в том случае, если он не может быть покрыт за счет промышленного фонда. При этом, условием для такой меры является не только то, что предприятие имеет особенно важное значение для данного района, но и то, что возможна дальнейшая безубыточная эксплуатация финансируемого предприятия.

В своем месте мы указывали на то, что соответствующее постановление ст. 20 декрета 10 апреля нуждается в дальнейшем развитии своего содержания и уточнении случаев финансирования дефицитного предприятия (гл. IV п. 3). В этом отношении более поздний декрет 17 июля дает, по нашему мнению, существенное улучшение текста закона. Совершенно правильно исходя из основной предпосылки ст. 1 декрета о том, что государственные тресты организуются в целях извлечения прибыли, закон допускает финансирования лишь таких предприятий, которые пригодны для достижения этой цели, или по крайней мере гарантируют безубыточность ведения дела в будущем. Тем самым закон преграждает возможность существования трестов, хронически питающихся из бюджетов средств. Следовательно, если имеется факто убыточное предприятие, деятельность которого по соображениям не коммерческого характера необходимо продолжать и в дальнейшем — такое предприятие должно быть взято на бюджет и существовать впредь в сметно-бюджетном порядке. Хозяйственная точка зрения на цели деятельности трестов в этом случае получает достаточно полное выражение в законе.

5. Можно было бы думать, что преобладание коммерческой оценки деятельности треста повлечет за собою более свободное отношение к участию в тресте посторонних капиталов. Раньше уже отмечалось, что по декрету 10 апреля воспрещается категорически привлечение к участию в тресте лишь частных капиталов. Привлечение же других государственных

предприятий и кооперативных организаций закон допускает, — однако, в таком неоформленном виде, что практическое проведение этого представляется сомнительным (гл. III п. 1).

Такую неясность закон устраняет из декрета 17 июля 1923 г. Однако, делает это он не в сторону разрешения более широкого доступа частного капитала, но, наоборот, путем запрета участия в трестах кооперативных организаций и даже других государственных предприятий. Привлечение их возможно, согласно ст. 24, лишь в порядке преобразования треста в смешанное акционерное общество.

Такое правило вовсе не идет, однако, в разрез с отмеченным раньше коммерческим подходом к работе треста. Одно дело последовательно проводить тот взгляд, что тресты есть хозяйственные предприятия, организованные с целью извлечения прибыли, и исключать из состава их общепользные, но коммерчески неоправдывающие себя предприятия, для передачи их на государственный бюджет, другое дело — допускать к участию в тресте сторонние капиталы.

Описанная раньше конструкция треста (гл. III, особенно п. 7) обнаруживает, что трест есть предприятие ведомственного характера. Он организуется ВСНХ или иным Наркоматом, находится в ведении соответственного центрального ведомственного органа и состоит в доверенном управлении организованного с этой целью правления. Схема органов, заведывающих и управляющих предприятием, совершенно не предусматривает совместной организации и заведывания трестируемым имуществом. В порядке законном создать такое предприятие не представляется возможным. Если бы на практике два государственных органа стали устраивать общее предприятие, то им пришлось бы за неимением соответствующего закона вырабатывать свою конструкцию предприятия по аналогии с декретом о трестах.

С еще большими затруднениями пришлось бы встретиться, в случае создания треста совместно государственным органом и кооперативной организацией. Функции, предоставленные по закону ВСНХ (или другому Наркомату, организовавшему трест), пришлось бы или делить между ним и кооперативной организацией, или же создавать какой-либо смешанный орган для разрешения этих вопросов. При этом оказалось бы, что кооперативная организация привлекается к распоряжению национализированным имуществом в разрез со всею системой и организацией государственной промышленности.

Трудности, возникающие при попытке практического осуществления ст. 25 декрета 10 апреля 1923 г., показывают, что начало, проводимое декретом 17 июля того же года, сохраняющим в полной отчетливости государственную структуру трестов —

представляется вполне правильным. Ст. 24 этого декрета, устраняя какие либо формы участия сторонних лиц, учреждений и организаций в тресте, тем самым дает ему более выдержанный и более последовательно проведенный характер, как особого вида государственного предприятия.

6. Существенное значение для характеристики местного треста имеет, наконец, иное распределение в нем функций между органами посредственного и непосредственного управления предприятием.

Декрет 17-го июля исходит из того, что местные тресты имеют меньшие размеры по сравнению с общегосударственными, а следовательно, должны получить отличную от последних организацию управления. Декрет 10-го апреля за нормальную считает форму коллегиального управления, (правление треста в числе не менее трех лиц), а единоличного управляющего трестом допускает в виде исключения из общего правила.

Наоборот, для местных трестов столь же уместную форму должен составлять трест единоличного управления. Поэтому декрет 17-го июля выдвигает единоличное управление как способ управления, равноправный коллегиальному правлению.

Вместе с тем связь регулирующего и управляющего центра с предприятием является в данном случае более тесною. Органом, соответствующим ВСНХ для местной промышленности, в данном отношении является ГСНХ (или Отместпром). Последний в условиях местного хозяйства имеет большую возможность принимать участие в работе треста по управлению предприятием. Поэтому ст. 26 декрета 17-го июля гласит, что *все права по управлению трестами местного значения принадлежат ГСНХ*, поскольку права эти не ограничены уставом треста.

Оговорка, „поскольку права эти не ограничены уставом“, имеет в виду правомочия правления (или управляющего трестом). Согласно ст. 31, обязанности последних и пределы их прав должны быть определены в уставе треста. Все то, что не предусмотрено уставом как специальное правомочие управления треста, входит в компетенцию ГСНХ.

Таким образом, взаимоотношения и права ВСНХ и управления трестом общегосударственного значения, с одной стороны, и ГСНХ и управления трестом местного значения, с другой стороны, построены на противоположных принципах. *Специальная* правоспособность ВСНХ заменена *общей* правоспособностью ГСНХ, с соответствующим изменением круга полномочий управления треста. ВСНХ есть орган по преимуществу регулирующий и лишь отчасти участвующий в актах непосредственного управления предприятием. ГСНХ есть орган и регулирования и управления. В декрете 17-го июля центр

тяжести текущего управления перемещается ближе к ГСНХ; ему открыта возможность сосредоточения у себя функций административной и оперативной работы треста. Для ВСНХ это исключено прямым смыслом ст. 29 декрета 10 апреля.

Описанное преобладающее положение ГСНХ в деле управления местными трестами выражается и в изменении формального положения ревизионных комиссий. Декрет 10 апреля устанавливал, что ревизионная комиссия организуется „в составе треста“ (ст. 42). В своем месте (гл. V п. 4) мы указывали на то, что в действительности ревизионная комиссия не находится „в составе треста“, но является одним из органов его наряду с ВСНХ и правлением и, притом, органом, работа которого ближе соприкасается с деятельностью ВСНХ.

Тем более это имеет значение для местных трестов при отмеченной выше степени непосредственного воздействия ГСНХ на работу предприятия. С этим согласован и текст закона. Декрет 17 июля не воспроизводит формулы ст. 42 декрета 10-го апреля. В ст. 39-й он просто говорит, что ГСНХ организует для ревизии трестов одну, а в случае необходимости, несколько ревизионных комиссий. В данном случае дело уже не идет об организации ревизионной комиссии в составе треста. Одна комиссия, по предположению закона, будет осуществлять контрольную работу в отношении всех местных трестов. Даже в случае организации нескольких ревизионных комиссий, таковые вовсе не предполагаются учрежденными каждая в отдельном тресте. По мысли закона и здесь дело идет об обслуживании нескольких предприятий.

Таким образом, из самой формулировки закона видно, что ревизионная комиссия является органом, вполне обособленным от отдельных конкретных трестов. То, что в отношении трестов общегосударственного значения является результатом фактически слагающихся обстоятельств, — в декрете 17-го июля получает определенное законодательное признание.

Анализ декрета 17-го июля и сопоставление его с декретом 10-го апреля показывают, что в законе о местных трестах создается особый вариант советского треста. Этот вариант дает существенно отличную внутреннюю структуру государственного предприятия. Преобладание в нем местной власти, с одной стороны, и значительная централизация управления в ведении последней, с другой стороны, составляют отличительные черты местного треста.

7. Законодательство об общесоюзных трестах развилось значительно позже. Постановление ЦИК СССР об управлении такого рода промышленными предприятиями было издано лишь 12 ноября 1923 г.

Этим постановлением был установлен *точный список* государственных предприятий, расположенных в различных частях территории союза и подчиненных ВСНХ СССР. Основанием для такого выделения предприятий служило их „первостепенное значение для оборотов Союза, для охраны его интересов на мировом рынке и для проведения в общесоюзном масштабе единого плана восстановления промышленности и транспорта“ (ст. 1 пост. 12 ноября 1923 г.). Поэтому в группу союзных предприятий вошла вся ~~финансы~~ промышленность и важнейшие предприятия промышленности: металлургической, горной, топливной, лесной, химической, бумажной, текстильной, пищевой, электротехнической и кожевенной.

Все указанные предприятия в силу постановления ЦИК Союза изъяты из подведомственности ВСНХ той республики, на территории которой они находятся, и подчинены *непосредственному* ведению ВСНХ СССР. Последний в силу ст. 2 постановления ЦИК выполняет права и обязанности ВСНХ, предусмотренные декретом 10 апреля 1923 г. Таким образом, для управления ВСНХ Союза не было создано никаких особых правил, подобно тому как это было сделано для местной промышленности.

Однако, в положении общесоюзных предприятий имеются свои особенности, которые не могли оказать влияния на управление этой отраслью промышленности. Простое перенесение на ВСНХ Союза функций соответствующих республиканских органов не давало бы полного разрешения вопроса об управлении предприятиями. С одной стороны, пространственная отдаленность многих союзных предприятий делает весьма затруднительным исполнение самим ВСНХ Союза всех прав и обязанностей применительно к декрету 10 апреля 1923 г., при отсутствии собственных местных органов на подобие Промбюро ВСНХ РСФСР. С другой же стороны, республиканские власти не могут относиться безразлично к функционированию на их территориях весьма важных предприятий на том основании, что из республиканских они перечислены в союзные.

Эти обстоятельства не могли не оказать осложняющего влияния на структуру управления общесоюзным трестом. Действительно, в постановлении от 12 ноября 1923 г. имеются правила, видоизменяющие порядок управления по декрету 10-го апреля того же года посредством привлечения к делу управления местных (республиканских) ВСНХ.

Насколько можно судить по имеющимся законодательным материалам, местный ВСНХ выполняет некоторые функции управления *по собственному праву*, по принципу заинтересованности местной государственной власти, другие же — *по делегации*, в качестве органа, уполномоченного ВСНХ Союза.

В качестве органа, отражающего собственный интерес республики в отношении находящихся на ее территории предприятий, ВСНХ дает свои заключения по проектам уставов трестов и последующих их изменений, производственных планов, программ и смет, годовых отчетов и заключительных балансов, планов и вопросов финансирования и личного состава ревизионных комиссий, (ст. 3 постановления ЦИК). При этом правления трестов обязаны одновременно с представлением союзной власти своих планов, смет, отчетов и балансов, копии их сообщать республиканскому ВСНХ.

Вместе с тем местным хозяйственным органам может быть предоставлено и более непосредственное и активное участие в деле управления общесоюзным предприятием. Но в этом случае они действуют уже не по собственному праву, но как представители центрального органа. Согласно ст. 6 постановления 12 ноября 1923 г. ВСНХ Союза может передавать ВСНХ союзных республик *полностью или в определенной части* свои права по управлению предприятием. Пределы этой компетенции, как видно из вышеприведенного, могут быть формулированы шире или уже. В зависимости от той или иной постановки дела ВСНХ Союза может сохранить за собою лишь номинальное главенство, передав республиканскому органу всю полноту реальной власти. Но возможна и централизация дела управления, при которой местный ВСНХ окажется лишь передаточной инстанцией или лишь послушным исполнителем приказаний свыше.

8. Опубликованный текст мандата на управление союзными предприятиями (утвержденный Президиумом ВСНХ СССР 2 января 1924 г.) следующим образом формулирует его основные начала. Право распоряжения имуществом треста (согласно ст. 5 декрета 10 апреля) принадлежит ВСНХ Союза, управление же предприятием передается ВСНХ республики.

Однако, управление это является далеко не самостоятельным. Изменение устава, отчуждение основного капитала, расходование резервного капитала, распределение прибыли, занаряживание продукции и ликвидация треста разрешаются *самим ВСНХ Союза лишь по заключениям ВСНХ республики* (ст. 2 мандата). В остальных вопросах (смета, производственный план, отчеты и балансы, назначение правления и ревизионной комиссии, их вознаграждение и увольнение и т. д.) ВСНХ республики свои постановления представляет на *утверждение центра*. При этом, однако, неполучение возражений в течение двух-недельного срока считается за утверждение предложенного решения (ст. 3 и 4 мандата).

Наконец, все прочее представляется уже самостоятельному решению местного ВСНХ (ст. 7). Сюда относятся во-

просы сравнительно наименьшей важности: разрешение на приобретение строений и других частей основного капитала, аренда их, разрешение разногласий между членами правления треста и т. д.

Если мы сравним компетенцию ВСНХ по декрету 10 апреля и типовому уставу республиканских трестов с распределением функций по управлению союзным предприятием, то увидим, что республиканские ВСНХ в известной степени должны выполнять занятые в отношении ВСНХ Союза положения аналогичные тому, какое в отношении республиканских ВСНХ занимают их Промбюро. В порядке мандата, основанном на соглашении с местной властью, республиканский ВСНХ делается исполнительным органом союзного центра с весьма ограниченной самостоятельной компетенцией. Следует, впрочем, оговорить, что весьма короткий срок, в течение которого союзная власть может опротестовать и тем обессилить решение республиканского ВСНХ по значительной группе вопросов управления трестами, фактически расширяет компетенцию республиканской власти и оставляет в этом отношении союзному ВСНХ лишь общие контрольные функции.

9. Мандат на управление общесоюзными предприятиями касается собственно управления трестом. Вопросы их организации и общего регулирования остаются в беспорном ведении союзной власти. В этом отношении постановление ЦИК от 12 ноября 1923 г. и текст мандата обнаруживают определенное стремление сосредоточить эти решающие в жизни и деятельности треста вопросы в компетенции центрального органа.

Мы видели раньше, что декрет 17 июля 1923 г. о трестах местного значения проникнут идеей децентрализации промышленности в важнейших ее функциях. Учредительские права и управление предприятием местной промышленности сосредоточено в ведении органов местной хозяйственной власти. Центр оставляет тут за собою лишь *общее регулирование* работы местных трестов.

В отношении общесоюзных предприятий центр, наоборот, отнюдь не отказывается от своих правомочий в пользу местной (в данном случае—республиканской) власти. Здесь дело идет о том, чтобы изъять из ведения местных органов данное предприятие в целом, дать ему организацию и направить его работу согласно целям, стоящим выше и сформулированным шире, чем интересы отдельной республики (оборона *союза*, его положение на мировом рынке, осуществление хозяйственного плана в общесоюзном масштабе). Поэтому учредительскую власть, общее регулирование и самое управление Союз стре-

мится сосредоточить в своих руках, используя местные, республиканские ВСНХ, по возможности, лишь как подсобные органы.

Децентрализуя государственную промышленность в одном отношении (для предприятий местного значения) и, наоборот, централизуя в другом (общесоюзные тресты), закон прибегает к различным организационным приемам и в силу этого создает разнообразие основных типов государственных промышленных предприятий.

СПбГУ

О Г Л А В Л Е Н И Е.

Стан.

I. Положение и значение государственных трестов в системе современной организации промышленности	5
II. Тресты советского и иностранного права	8
III. Анализ основных элементов в понятии треста и общее определение его	10
IV. Имущественная структура треста	21
V. Органы управления трестом	33
VI. Трест и заведение	38
VII. Возникновение и прекращения треста	43
VIII. Тресты общесоюзные и местные республиканские	48

СПбГУ

00047238

ЮФ СПбГУ